

18+

Антон Рундквист

**ДЕТИ УНИВЕРСУМА.
КНИГА 5. ГРЕХИ
БОГОВ**

Антон Рундквист
Дети Универсума.
Книга 5. Грехи богов

<https://litres.ru/74281593>

ISBN 9785007070959

Аннотация

Последняя книга о охождениях юного мага-интеллектуала Эдвина, разносторонне одаренной девушки Алиры и в меру харизматичного журналиста Нолана. Не станем особо распространяться о том, что ждет нашу троицу дальше, но одно можем гарантировать точно: впереди маячит предельно четкий финал, подводящий черту под грандиозным повествованием о захватывающих путешествиях по просторам пространства-времени и за его пределами.

Содержание

Сорок восемь глав в девяноста шести строчках	5
Глава 1. Всекогда	13
Глава 2. Великий замысел	53
Глава 3. Точка схождения	92
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Дети Универсума. Книга 5. Грехи богов

Антон Рундквист

Редактор Софья Мулеева

© Антон Рундквист, 2026

ISBN 978-5-0070-7095-9 (т. 5)

ISBN 978-5-0055-5366-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моему брату
Ивану Николаевичу Рундквисту
(1983—2005)*

Сорок восемь глав в девятиности шести строчках

Тусклый свет работавшей на последнем издыхании лампы не озарял, а, скорее, еле обозначал сцену, едва заметно возвышающуюся над остальным залом. Одетый в проеденный молью свитер и увенчанную помпоном вязаную шапочку небритый мужчина с гитарой, опрокинув для куража стопку чего-то явно высокоградусного, побрел выдающей неохоту походкой к скрипящему деревянному стулу, выставленному напротив скрытых во тьме столиков, за которыми обычно располагались посетители заведения.

— Кхм-кхм, — привлекая внимание аудитории, а может быть, просто борясь с симптомами простуды, прокашлялся музыкант. — Добрый... кхм... вечер. Меня зовут Эрнест. Многим я известен также под именем Дрейфующий Бард. Короче, перед вами выступает... кхм-кхм... простите... перед вами выступает легендарный (в определенном смысле) Дрейфующий Бард Эрнест.

— А в «определенном» — это в каком? — раздался вопрос из мрака, окутывающего смешавшихся в единую серую массу зрителей.

— Чего-чего? — переспросил Эрнест.

— Ты сам сказал: «в определенном смысле легендарный»,

вот мне и интересно, с какого такого конкретного бока ты у нас типа легендарный?

— Мой знакомый, — демонстративно повысив голос, проговорил Дрейфующий Бард, тем самым полностью проигнорировав любопытствующего зрителя, — кхм-кхм... мой знакомый рассказал мне занятную историю. Я же, как истинный поэт-песенник, специально ради вас переложил прозу жизни на стихи, поэтому сегодня имею... кхм... удовольствие сыграть вам «Балладу о настоящем приключении». Попрошу вас отключить звук на своих мобильных телефонах, дабы не мешать собственному погружению в прекрасный мир искусства.

Последнюю фразу Эрнест произнес предельно ровным пофигистским тоном, свидетельствовавшим о полнейшем безразличии и к аудитории, и к искусству.

— Хвать базарить! — вновь выкрикнул кто-то. — Или пой, или...

Артист (во всяком случае он придерживался настолько возвышенного мнения о себе) шмыгнул носом, еще раз прокашлялся в кулак и извлек из музыкального инструмента пару аккордов.

— «Баллада о настоящем приключении», — на всякий случай повторил название произведения Дрейфующий Бард. — Куплет первый, и... поехали:

Жили да были трое людей:

Эдвин — скромняга и книгочей,
Алира — бунтарка-аристократка
И Нолан — газетный писака.
Обитали они в разном времени
И встретиться в принципе не могли,
Но могучее существо их собрало,
Сотворив всем троим по порталу.
К чему такие ухищренья?
Для мира целого спасенья!
Жизни на спутнике грозит катастрофа.
Коли бездействовать, будет все плохо.
Отправили троицу в Город Хрустальный.
Там, мол, поможет вам местный хозяин.
По пути не обошлось без суровых преград,
А к друзьям примкнул еще рыцарь Гаспар.
Вчетвером приключенцы до цели дошли,
И ждал их в подвале Дракон-балансир.
Огнедышащий зверь поведал о важном:
О детях Земли и о дюжине стражей.
Надо добыть двенадцать предметов.
Ох и непросто же сделать это!
Предстоит путешествовать долго и много.
Отдохните маленько и отправляйтесь в дорогу...

— Я че-то не понял, — прозвучало замечание из зрительного зала. — Вернее, почти ниче не понял. Они тама на спутнике живут? Не на планете? И че за катастрофа надвигается? Цунами, землетрясение, ядерная война или другая какая

напасть? И кто такие балансиры? И на кой собирать двенадцать предметов?

— А вы не отвлекайтесь, и все сразу станет ясно, — отмахнулся Эрнест. — Я с вашего позволения пока продолжу. Кхм-кхм-кхм... Куплет второй:

Получив от дракона чудное огниво,
Друзья на гору вскарабкались живо,
Где уберегли потомство грифона
От посягательств одного сумасброда.
Зеркалом поделилась королева Изольда.
Едем мы дальше к балансиру Догоде.
За помощь мастеру инженерному
Страж отдает окарину волшебную.
Инструментом владеет только Алира,
Магию воздуха она себе подчинила,
Что пригодилось в Румбийском порту,
Когда судно пришлось разгонять на ветру.
Намеренно опустил я подробности
О всяческих новых знакомствах:
С коварной Ксалиной и с девочкой Жанной,
С Лао и Бруггером — корабля капитаном.
О лесовиках и марси я молвлю чуток —
Не достаёт им у меня в песне строк.
Зато книгу Ульриху уделяю внимание,
Ибо задержится он подольше в команде.
Фолиант читать заклинанья умеет
И применяет сей навык в сражении.

Перед друзьями не устоит паразит —
Вот выигран бой, спасен Рыба-кит!

— Щас ваще непонятно! — возмутился из темноты все тот же анонимный слушатель. — Какие-то лесовики, марси всплыли. Про паразитов и рыбу хотелось бы поподробнее. И че, блин, за рифма «Изольда — Догоде»? И... и разве есть слово «книг»? Не, серьезно! Книга — она ведь токмо женского рода бывает. Или я не прав?

— Или, — не вдаваясь в детали, коротко ответил Дрейфующий Бард. — Приготовьтесь, куплет номер три:

Чудо-юдо подарило людям ракушку
И доставило их позже на сушу,
А оттуда они прямиком попали
В эпоху пара, механизмов и стали.
О пяти балансирах и пяти артефактах
Я вам поведаю сейчас по порядку.
Первым у нас в списке значится Крон.
Четвертому измерению балансир подчинен.
Стража сего на время оставим
Ради полета в дивные дали.
На «Горихвостке» капитана Марии
Янтарь Перуна без труда выследим мы.
С цирком бродячим странствуют двое.
За ними отныне начинаем погоню.
Хранители света и тьмы
Намеренно не разделены.

Лишь слив воедино обе стихии,
Удастся овладеть властью над ними.
Наградой становятся фонарь и накидка —
Два артефакта в нашу копилку.
К ним добавляем дар Гравитона
И с целым комплектом возвращаемся к Крону.
Страж заряжает часы на цепочке,
И я покуда здесь ставлю точку.

Эрнест жестом попросил принести ему стакан воды — видать, пораженные вирусом голосовые связки совсем не выдерживали напряжения.

— А че за дар они получили от этого Гравитона? — не унимался приставучий мужик. — Не, главное, про остальные штуки сказал: огниво, зеркало, окарину, ракушку, янтарь, фонарь, накидку и часы, — а про тот предмет умолчал.

— Яблоко, — отхлебнув водички из принесенного официанткой стакана, буркнул музыкант. — Гравитон подарил им яблоко. Довольны? Короч, четвертый и завершающий куплет:

Все чуть сложнее со спасением мира
У Нолана, Эдвина и Алиры.
В деле замешаны Универсума дети.
Одолеть невозможно сущностей этих.
Отважные люди, не испугавшись,
Продолжают искать стражей оставшихся.
В мире Нолана поселились трое:

Мнемозина, Баюн и глиняный Голем.
Хранитель земли просит камню помочь,
Тот личную жизнь наладить не прочь.
Добившись от дамы сердца ответа,
Троица обзаводится самоцветом.
Владычица памяти в гробницу послала,
И если ловушек там кажется мало,
То злобного джинна получите в нагрузку,
А за победу вручат незабудку.
Дверь в страну грез открывает Баюн.
Как же вернуться в реальность свою?
Найдя будильник, друзья пробуждаются,
Готовые к последнему испытанию.
Пункт назначения — планета Гигант,
Где якобы прячется главный враг.
С Каосом тут произошло столкновение,
И скрыт от меня финал приключения...

— И? — недоуменно издал слушатель.

— И все, — отозвался Эрнест. — Спасибо за внимание.

Вы замечательная публика...

— Да кто ж обрывает повествование на полуслове?! — возмутился мужик.

— Так уж... кхм-кхм... вышло, — пожал плечами Дрейфующий Бард. — Парень, поделившийся со мной этой историей, тоже не в курсах, о чем там будет дальше. Кому понравилось, тот может поаплодировать, а лучше пускай подкинет мне мелочишка...

— Вот уж дудки!

— Я и не к вам обращался.

— А к кому?

— К другим — к *благодарным* слушателям.

— Так здесь же нет больше никого, кроме меня!

— Э-э... правда? — пристально взглядевшись в темноту, уточнил Эрнест. — Ну-у... кхм-кхм... А у вас, случаем, мелочишка-то не завалилась?..

— Ты отстой, Бард!

— Завалилось или нет?

— О силы небесные! Ты невыносимо жалок! На, лови четвертак...

— Спасибо, — ловко поймав брошенную в его сторону монетку, выразил признательность музыкант. — Хоть на метро денег хватит...

Глава 1. Всекогда

«Каос взметнул когтистые лапы вверх. Над нашими приключенцам сгустился мрак. Тысячи переливающихся перламутровых огоньков заблестели сквозь черноту и полетели в направлении людей. Навстречу убийственным светлячкам ринулся вырвавшийся из скафандра Эдвина ослепительный бело-голубой поток энергии. При неизбежном столкновении двух противополоствующих могущественных стихий сверкнула вспышка, раздался чудовищный взрыв, и...»

И похоже, все. Сигнал пропал. История рискует так и остаться незавершенной. Какое же гадство! Я столько относительного времени на нее угробил! Терпеть не могу незаконченных историй! А ведь начиналось повествование крайне перспективно. Да и развивалось потом неплохо. Море приключений на суше, на воде, в воздухе и даже в космосе... В космосе! Ох, надо успокоиться. С нами бывает... Каждый летописец проходит через нечто подобное, и не раз. С учетом бесконечности историй во множественной Вселенной число оборванных на полуслове сюжетов тоже, по идее, равно бесконечности. Слабенькое утешение, конечно... Я успел понастоящему прикипеть душой и к Эдвину, и к Алире, и к Нолану. Они стали мне едва ли не родными за условные месяцы работы. А если... если троица опять чудом спаслась? Как тогда, во время путешествия вместе с караваном? На них напа-

ли жестокие бандиты, но потом явился храбрый сэр Гаспар на Роцефитанире и располовинил главаря шайки. Впрочем, к чему гадать... Как я уже сказал, сигнал потерян. Произошедшее в том варианте мира Земли-Матери отныне недоступно моему взору. Со мной случилось самое страшное из несчастий: я утратил нить повествования. Печально, грустно, прискорбно, однако от этого никто из нас не застрахован. Остается одно.

Я решил отложить перо, которое и без того слишком долго держал над листом бумаги в тщетной надежде продвинуться дальше насмежавшегося надо мной многоточия, затем протянул руку к стоящей слева чернильнице. Темно-синяя субстанция из глубин стеклянной баночки точно бы призывала меня не отчаиваться и не убирать письменные принадлежности со стола. М-да... коли долго всматриваться в чернильницу, чернильница примется всматриваться в тебя... Нет, все. Я определенно нуждаюсь в отдыхе. Прогулка на свежем воздухе развеет тоску. Или же, наоборот, вгонит меня в беспросветную депрессию. И то, и то не исключено.

Демонстративно сунув перо с чернильницей в ящик, я поднялся со стула. По причине длительного сидения да еще и не в самой удобной позе телу требовалась легкая разминка. Потянувшись, я услышал характерный хруст в суставах. Служившие не особо надежной опорой ноги понесли меня прямоком к умывальнику. Чуть покрасневшее сперва от напряжения, а позже от гнева и обиды лицо нуждалось в сроч-

ном ополаскивании. Воды в канистре хватило только на пару быстрых касаний влажными ладонями моей изрядно заросшей физиономии. Видимо, без похода к колодцу сегодня не обойтись. И почему бы здесь не организовать нормальный водопровод? В распоряжении у нас вроде как целая вечность, а в бытовом плане развиваться совершенно не хотим. Прихватив жестяное ведро, я вышел во двор.

На улице было тепло и солнечно. Тут всегда тепло и солнечно. Мне нравится жить в окружении света и ярких оттенков. Загляните в мой садик, и ваш взор утонет в океане голубых, оранжевых, красных, желтых и фиолетовых цветов, пляшущих на радующем глаз зеленом фоне. В таком обрамлении старенький бревенчатый домик с соломенной крышей уже не кажется ветхой деревянной лачугой, готовой рассыпаться в труху в любую минуту. Напротив, скромное жилое строение идеально дополняет умиротворяющую картинку. А чуть поодаль располагается пруд. Через него перекинут мостик. Вечерами, когда те изредка наступают, я люблю выходить к середине этого мостика и любоваться на подернутое рябью отражение сразу двух лун в воде. Правда, у местных красот имеется специфическая особенность. Хорошая она или плохая, зависит от вкуса и художественных предпочтений. Суть в том, что стоит остановиться и сфокусироваться на единственной выбранной точке, и вы заметите, как четкие контуры куда-то исчезают, а вместо них теперь различимы многочисленные мелкие мазки, будто бы нанесенные масля-

ными красками. Я в некотором роде обитаю внутри ожившего импрессионистского пейзажа. Мне, в общем-то, дико повезло. Кое-кто из моих коллег поселился в сюрреалистических декорациях, а иные летописцы и вовсе предпочитают обыкновенным домам пространственные парадоксы по типу здания с гравитационной аномалией из «Империи тумана»... Гм... из «Империи тумана»... Проклятье! Всюду меня настигнут напоминания о незаконченной книге. Вернее, книгах. Опираясь на логику повествования, я прогнозировал создание не менее пяти томов. Первый — большая экспозиция и знакомство с основными действующими лицами. Второй — путешествие по 105 году Эры Порядка. Третий — приключения в эпоху доминирования паровых двигателей. Четвертый — описание технологичного мира будущего Земли-Матери. Пятый... Э-э... пятый... не знаю, чему он должен был быть посвящен. И вряд ли уже узнаю. Эх... а как нестандартно я каждый раз справлялся с рутинной обязанностью приводить краткое описание событий предыдущих книг... Сначала мне пыталась помешать дурацкая интерференция из параллельной Вселенной, подкинувшая, сама того не ведая, занятную идею: а что если взять и вторгнуться в чужую реальность, дабы посредством других людей изложить материал в какой-нибудь нетрадиционной форме. Так я познакомился с харизматичным портовым грузчиком Николой-Бухарем, устроил в своем воображении импровизированный допрос Джимми-Стукачу и намеревался наведаться

к (местами) талантливому Дрейфующему Барду Эрнесту. Но сейчас-то, наверно, искать музыканта бессмысленно. Ну расскажу я ему об Эдвине, Алире и Нолане, ну сочинит Эрнест песню по мотивам их странствий, а толку? От незавершенного музыкального произведения проку не больше, нежели от неоконченного литературного творения. Без финального аккорда не обойтись так же, как без последнего абзаца. И хотя, принимаясь за написание первой книги, я бросил фразу, дескать, непонятно, где у историй о путешествиях во времени начало, а где конец, в действительности для моей дорогой троицы события развивались вполне линейно. Да, люди совершали перемещения между различными временными периодами, но притом преследовали предельно ясную цель... Нет! Пора выкинуть ребят из головы. Зачем я себя мучаю? Зачем постоянно мысленно возвращаюсь к ним. Все! Поезд ушел! Или, как говаривали мудрые шестиногие кракалюки с планеты Шпунь, Великий Мардал вращает мир на указательном пальце токмо в одну сторону... Ну, или же, как сказали бы чуть более научно подкованные астрофизики, за горизонтом событий черной дыры ловить нечего. Вот и мне не стоит понапрасну растрачивать переживания. Лучше сосредоточиться на мелких бытовых заботах.

Убежденный в исключительной важности миссии по добыче воды я привязал к ведру веревку и опустил его в колодец. От неимоверно увлекательного (осторожно: сарказм!) процесса вращения рукоятки барабана, поднимавшего назад

наполненную жидкостью емкость, меня отвлекло дружелюбное приветствие:

— День добрый!

Подняв глаза, я узрел шагах в двадцати от колодца четыре человеческих силуэта. То есть три точно принадлежали людям, а четвертый же походил, скорее, на некое высокое механическое создание, лишенное — в привычном представлении — черт лица, подменяемых черным дисплеем с белыми точками. Святые негодники!¹ Передо мной предстал андроид! Невыносимо знакомый андроид, надо добавить. А его спутники? Лохматый голубоглазый юноша с толстой книгой, рыжеволосая молодая девушка и взрослый мужчина с седinou на правом виске, и все одеты в защитные скафандры. Уму непостижимо!

— День добрый, — повторил мужчина. — Вы меня слы-

¹ К кому только не вызывает народ на просторах множественной Вселенной в минуту сильного потрясения! Святые негодники — это ш'тфали, такие забавные большеглазые лопухие зверушки из мира К'хтраал, населенного, соответственно, к'хтраальцами — народом, отличающимся, как видите, особой любовью к апострофам и идущим подряд согласным. В незапамятные времена к'хтраальцы неосмотрительно провозгласили ш'тфали сакральными животными со всеми вытекающими отсюда последствиями. К огромному сожалению, даже приобретая священный статус, звереныши остались теми еще негодниками: они по-прежнему ломали вещи, противно орали, требуя еду, норовили сунуться куда не следует, путались под ногами и жутко линяли по весне. Наблюдая за проделками неприкасаемых зверушек среднестатистический к'хтраалец мог лишь покорно воздеть к золотистому небу свои четыре руки-клешни и обреченно воскликнуть: «О святые негодники!» Оттуда выражение и распространилось дальше по окрестным галактикам.

шите, господин...

— С-слышу, — с трудом изрек я.

— Хорошо. У нас с друзьями возникла проблемка. Надеюсь, вы сумеете нам помочь. Предупреждаю, мой первый вопрос может показаться странным: не подскажите, мы, случаем, не отправились на тот свет?

— На тот свет? — недоуменно переспросил я, продолжая тупо таращиться на группу визитеров.

— Хм... видите ли... перед появлением здесь мы как бы оказались в ситуации, грозящей гибелью от...

— Взрыва! — вырвалось у меня.

— Именно... — с подозрением подтвердил мужчина.

— «При неизбежном столкновении двух противоборствующих могущественных стихий сверкнула вспышка», — процитировал я ранее выведенные на бумаге моей же собственной рукой строки.

— Э-э... примерно так и было. Но как вы узнали?

Не будучи уверенным, нужно ли спешить раскрывать карты, я не торопился с ответом. Хорошо бы сперва взвесить все «за» и «против», убедиться в правильности своих выводов, затем еще разок обмозговать получившиеся результаты, сопоставить имеющиеся данные, произвести ряд мысленных экспериментов...

— Прошу прощения, господин, — вовремя прервала мои путанные и довольно-таки бесполезные рассуждения юная барышня с огненными волосами. — Выражение вашего лица

явно свидетельствует о желании поделиться с нами важной информацией. Но вас сдерживает куча сомнений. Позвольте мне помочь вам от них избавиться. У нас с друзьями выдался... непростой денек. На волшебном лифте мы совершили путешествие через космос на планету Гигант, раскрыли тайну происхождения людей, марси, визов и лесовиков от общих предков — детей Земли, проехали в бурю на бронированном шестиколесном самоходе, незаметно проникли на вражескую территорию, обнаружили древнюю машину, способную уничтожить мир, угодили в засаду, еле убедили визов не убивать нас на месте и в завершение столкнулись с бессмертным богоподобным существом, олицетворяющим хаос. Я, признаться, изрядно вымоталась и в настоящий момент пребываю не в лучшем настроении. В связи с чем настоятельно рекомендую вам при всем глубочайшем уважении НЕ ИГРАТЬ СО МНОЙ В ГЛУПЫЕ ИГРЫ И ПРЯМО ВЫЛОЖИТЬ НАМ ВСЕ, ЧТО ЗНАЕТЕ, ПОКА Я ЕЩЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ДОБРАЯ И НЕ РАЗОЗЛИЛАСЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ!!!

Спутники девушки удивленно уставились на нее. Обычно она не позволяла эмоциям захватить власть над разумом, однако неординарная ситуация диктовала новые условия, под которые молодая дама пыталась максимально безболезненно подстроиться. Безболезненно для себя, естественно. Остальным же следовало опасаться за сохранность своего здоровья. На меня призыв юной госпожи произвел должное впечатле-

ние. Под ее натиском моя неуверенность быстренько заби-
лась в дальний уголок сознания и более не высывалась.

— Ну, раз вы так ставите вопрос... — промолвил я. —
Прежде чем приступить к подробным объяснениям, разре-
шите внести ясность. Вас зовут Алира, а ваши друзья — это
господин Нолан, господин Эдвин, андроид-философ Brent
и магический книг Ульрих?

— Совершенно верно, — смягчив тон, сказала девушка.
— А вы и впрямь неплохо осведомлены. Кто вы такой? И где
мы очутились?

— Декстер-летописец к вашим услугам, — представился
я. — Сейчас вы находитесь во Вселенной-Ноль, также име-
нуемой Всекогда...

— Боюсь, нам ни то ни другое название ни о чем не гово-
рит, — развела руками Алира.

— Разумеется. Вы о них и не могли прежде слышать. Да-
вайте мы вместе пройдем в дом. Я угощу вас чаем, и в спо-
койной непринужденной обстановке мы обстоятельно побес-
едуем о квантах, фазовом пространстве, Мультивселенной
и прочих небезынтересных вещах.

— Отдаю вам должное, — обратился ко мне Эдвин, —
заинтриговать вы умеете.

— А вы понимаете, о чем он толкует? — поинтересова-
лась у молодого человека девушка.

— Ни малейшего представления. Однако словосочетание
«фазовое пространство» звучит крайне многообещающе.

— Вот за подобную тягу к знаниям я вас и... уважаю, — отозвалась Алира.

— А я не прочь хлебнуть горяченького чайку, — добавил Нолан.

Облегченно выдохнув (ура, меня не разорвала на части разгневанная шестнадцатилетняя особа!), я проводил гостей в дом. Мое жилище не отличалось значительными габаритами или обилием изысканных предметов мебели, и все же разместить троих людей на скрипучем диване и одного робота в глубоком мягком кресле получилось без труда. Сам я в ожидании свиста закипающего на плите чайника уселся на стуле, приставленном к письменному столу, и сразу же в оправдание царившего в помещении творческого бардака пояснил:

— У меня тут в распоряжении только две комнаты и кухня, поэтому гостиная и рабочий кабинет совмещены. Приношу извинения за возможные неудобства.

— Да нет, здесь достаточно уютно, — по личным стандартам оценила Алира. — Вы... простите меня за излишнюю резкость в ваш адрес...

— Пустяки, — отмахнулся я. — Вам столько довелось пережить за последние сутки. Поразительно, как вы еще держитесь!

— Значит, вы в курсе наших дел, — заключила девушка.

— Во-первых, вы сами мне неосмотрительно рассказали несколько минут назад, а во-вторых... да, я в курсе. В кур-

се всех ваших дел и всей вашей истории. Такова специфика моей профессии и места обитания. Как я уже упомянул, мы с вами пребываем во Вселенной-Ноль — своеобразной узловой точке, связывающей бесчисленное количество других вселенных. Здесь время течет по-своему. Оно то ускоряется, то замедляется, то события следуют в хронологическом порядке, то будущее сменяется прошлым, а прошлое — будущим. Подчас с уверенностью заявить, где у нас настоящее, и вовсе становится непосильной задачей. Отсюда и второе название Вселенной-Ноль — Всекогда. Это вроде никогда наоборот. Никогда подразумевает, будто нечто так и не случилось или не случится, а с точки зрения Всекогда подобное немыслимо, ибо во Вселенную-Ноль стекаются истории, которые произошли, происходят, будут происходить и которые гипотетически *могли бы* произойти. Иными словами, мы накапливаем у себя вообще все истории без исключений. Короткие, длинные, смешные, грустные, трогательные, жуткие, дурацкие, поучительные, неоднозначные — нам безразлично. Всякая история ценна сама по себе. Даже из плохого повествования реально извлечь полезный урок — хотя бы о том, как не надо рассказывать истории. Мой домик — всего лишь одно из бесконечного множества аналогичных жилищ, предназначенных для летописцев — группы... м-м... индивидов, наблюдающих за остальными вселенными и постоянно фиксирующих на бумаге любопытные истории.

— А с какой целью? — спросила Алира.

— О! У нас, летописцев, цель самая что ни на есть высокая. Истории — важнейшая составная часть Мультивселенной. Без них космос — просто бессмысленное скопление галактик и туманностей.

— А по мне так и с историями смысла как-то ощутимо не прибавляется, — пессимистично прокомментировал Брент.

— Ваша позиция, дорогой андроид, мне известна, — заверил я, — пускай я ее и не разделяю. В некоторой степени вы, конечно, правы: Вселенная (не суть важно, какая именно) в отрыве от субъективного восприятия того или иного разумного создания действительно бессмысленна. Она существует себе и существует, причем в течение миллиардов лет, и ей до лампочки, осмысленно ли данное существование либо нет. Фундаментальными вопросами о причинах, следствиях и целях задается только пытливый разум людей, визов, марси, лесовиков, роботов с продвинутым искусственным интеллектом, волшебных книг, оживших камней, духов стихий, инопланетян... Короче, долго перечислять, а ведь я пока не выходил за круг ваших непосредственных знакомых. Их всех объединяет наличие разума и воображения. Поиском смысла способно озаботиться лишь создание, обладающее воображением, достаточным, чтобы представить, будто смысл вообще есть. В итоге получается прямая корреляция: есть разум — есть смысл, нет разума — нет смысла. А разум и воображение, в свою очередь, позволяют их носителю становиться участником историй, сочинять истории, ре-

транслировать, то есть пересказывать истории, а также выслушивать чужие истории. Разум и истории функционально зависимы друг от друга, а следовательно, и смысл функционально зависим от историй. Строго говоря, в историях смысл и содержится. Потому-то летописцы и чтут повествование в качестве базового элемента, связующего воедино бесконечное число вселенных, включающих миры, населенные разумными созданиями.

— Я не обязательно с вами согласен, — заметил Brent, — но обдумаю на досуге вашу теорию.

— Она не моя. Теория принадлежит Вселенной-Ноль в целом. Более того, Всекогда и существует исключительно благодаря взаимопроникновению историй из одних вселенных в другие вселенные.

— И как чисто технически выглядит сей процесс? — решил по-научному подойти к проблеме Эдвин.

— Если откровенно... я не знаю. Подозреваю, тут неким образом замешаны кванты.

— Ну еще бы! — иронично поддержал Нолан. — Куда ж без них, родимых!

— В Мультивселенной отыщется куча различных элементарных частиц. Какие-то отвечают за сильное взаимодействие, какие-то — за слабое, электромагнитное или гравитационное. По-видимому, полно в ней и историонов — частиц, обуславливающих некое интеллектуально-смысловое взаимодействие и получивших название по аналогии с фотонами,

бозонами, глюонами и так далее. Историоны с легкостью путешествуют в пространстве и во времени, а вдобавок умудряются просачиваться в соседние вселенные. Кстати, ваш эфир, коим вы пользуетесь для сотворения заклинаний, аккумулирует огромное количество историонов, а магия есть искусство воплощать воображаемые истории в реальность с помощью перераспределения энергии этих частиц.

— Крайне любопытный подход к пониманию природы волшебства, — задумчиво проговорил Эдвин. — Значит, и разум, и воображение, и истории, и магия, и даже смысл объединены в единую систему. Тогда память эфира, вероятно, представляет собой хранилище информации, передаваемой посредством историонов...

— Думаю, суть вы уловили, — указал я. — Массивы историонов, словно реки, стекаются во Вселенную-Ноль. Летописцы наделены даром воспринимать сии потоки и вычленять из них отдельные рассказы. Мы свято верим, что каждая попавшая к нам история обязательно должна быть зафиксирована на каком-либо материальном носителе и как минимум на одном из реально распространенных в Мульти-вселенной языков. Лично я отдаю предпочтение старой доброй бумаге в сочетании с классическими пером и чернилами. Впрочем, кому-то больше по душе береста. Или сверхнавороченный компьютер. А некоторые тексты ввиду их специфичности в принципе поддаются переносу только на нетрадиционные материалы наподобие дыхания единорога, слез

уходящего лета либо слюны пролетающего над горами Джун-Джун однокрылого фридуруга...

— Слез уходящего лета? — с сомнением переспросила Алира.

— Ага. Поверьте, найдутся места, где эмоции времен года вполне осязаемы. Но, повторяюсь, я придерживаюсь стандартных форматов. И правильно делаю, ведь мне чаще достается работа с историями, где основными действующими лицами выступают люди. Логично в таких обстоятельствах фиксировать информацию на человеческой бумаге и на человеческом же языке...

— Постойте, — прервала меня девушка. — Дайте-ка мне секунду, чтобы сложить два и два. Вы — летописец, записывающий истории о людях. О нас с друзьями вы прекрасно осведомлены... Стало быть... вы о нас писали! Верно?

— Вы угадали, госпожа Алира. Несколько месяцев по вашему времяисчислению я потратил на переложение истории о балансирах и мире Земли-Матери в виде сотен и сотен страниц рукописного текста.

— Хотите сказать, — продолжала допытываться девушка, — мы с друзьями — просто герои обыкновенной книжки?

— И да и нет. Вы — главные действующие лица в истории, проникнувшей во Всекогда, а я всего-навсего переношу ваши приключения на бумагу. Это примерно как писать под диктовку, украшательства ради вставляя от себя то тут, то там художественные эпитеты, сравнения да метафоры.

— То есть вы ничего сами не сочиняете? — уточнил Нолан.

— Увы, мое воображение здесь практически отдыхает. Моя профессия сродни вашей. Вы как образцовый журналист собираете сведения, систематизируете их и приводите в надлежащую форму, доступную восприятию читателей. Я, по большому счету, занимаюсь тем же. Правда, источник информации у меня необычный — потоки историонов, поступающие из другой Вселенной.

— И все-таки нас сотворили не вы? — пожелала окончательно убедиться Алира.

— Нет, не я. Вы — порождение вашей Вселенной, вашего Универсума...

— Извините, что перебиваю, — вмешался Эдвин. — Вы обронили фразу, якобы во Вселенную-Ноль стекаются истории, которые произошли, происходят, будут происходить и которые гипотетически могли бы произойти. Меня настораживает последняя категория — «которые могли бы произойти». Не относится ли наша истории именно к такого рода «гипотетическим» рассказам, а наша Вселенная — к «гипотетическим» реальностям?

— Ну-у... — замялся я.

— Вы не уверены?

— Я... я вообще затрудняюсь провести границу между «гипотетическими» и «негипотетическими» реальностями. С позиции Вселенной-Ноль и населяющих ее летописцев все

реальности... гм... реальны, в том числе и ваша. Мне кажется, ответ на заданный вами вопрос носит сугубо субъективный характер. По-моему, если вы полагаете собственную Вселенную реальной, то для вас она таковой и является. Ваши личные память, опыт, мысли, переживания, эмоции существуют в действительности и будут существовать, покуда существуете вы.

— Ладно, — подытожила Алира. — Выходит, мы реальны, и вы нас не выдумали. Для начала неплохо. И тем не менее я по-прежнему никак не возьму в толк, зачем вы переписываете чужие истории.

— Как зачем?! — поразился я, однако тут же взял себя в руки — ни к чему винить гостей за их неведение относительно непонятных им, но очевидных любому летописцу вещей. — Простите... Мы фиксируем истории с целью дальнейшей их ретрансляции в другие миры. Так, и только так поддерживается стабильный круговорот историонов в Мультивселенной! Переложив повествование на бумагу, я дальше доведу рассказ до читателя, ибо в противном случае история не обретет полноту.

— Поясните, пожалуйста, — попросила девушка.

— Для полноценной истории необходимы три составляющие. Первая — набор фактов о событиях, произошедших с теми или иными действующими лицами. Вторая — автор (он же летописец), эти факты собирающий и создающий из них текст. И третья — конечный адресат, то бишь читатель.

Без него история не имеет ни малейшего значения. Он своим персональным видением дополняет повествование, добавляя при помощи воображения ряд деталей, наделяя персонажей определенными внешними плюс внутренними чертами и в конце концов обогащая историю новыми смыслами. Благодаря читателю сюжет приобретает еще одно измерение, ранее недоступное ни участникам событий, ни автору-ретранслятору. В известной мере именно читатель наносит на полотно литературного произведения финальный штрих. Наиболее странный из возможных вариантов поведения автора — это записать историю и ни с кем ею не поделиться. Пылящиеся в ящике стола рукописи ничем не отличаются от груды макулатуры, годящейся лишь на переработку.

— Но не получится ли так, — усомнился Эдвин, — что сквозь призму восприятия читателя история кардинально поменяет смысл, и от реальных фактов вместе с авторским замыслом не останется и следа?

— Ну и пускай! Художественное произведение никогда не принадлежит кому-то одному. Оно обязано считаться достоянием всех лиц, так или иначе причастных к творческому процессу, включая автора, персонажей и — правильно — читателей. Ваша с друзьями история также не является исключением. Вы путешествуете по миру, стараясь уберечь родной спутник от катастрофы, я веду хронику ваших походов, а потенциальный читатель в будущем сам даст личную оцен-

ку описанным приключениям. Посему не нам с вами судить, кто в повествовании герой, а кто нет.

— Тут я не соглашусь, — подал голос Ульрих. — Не знаю, как с твоей колокольни, летописец Декстер, а у меня сомнений по поводу героического статуса Алиры, Нолана и Эдви-на не возникает.

— Неожиданно великодушно с твоей стороны, — подметила девушка.

— Да брось, дорогуша! Как вас троих еще обозвать-то? Вы по первому зову смело ринулись навстречу опасности и не побоялись выступить против могущественного воплощения идеи хаоса. В связи с чем вас можно окрестить либо кончеными крестинами, либо... героями.

— Полагаю, и те и те, в сущности, не сильно отличаются, — усмехнулся журналист. — Я поддержу Декстера в желании оставить суждения по поводу наших действий будущим читателям, если, разумеется, он поведает, каким образом послание добирается до адресата.

— Таким же, каким информация поступает к нам, — ответил я. — Зафиксированная в виде текста на носителе, она генерирует волну историонов, разносящихся по окрестным вселенным. Рано или поздно ретранслированная летописцем запись проникает в сознание какого-нибудь творца в отдаленной точке Мультивселенной или чаще в сознание множества творцов во множестве различных точек. Порой случаются казусы, когда одинаковые потоки историонов достига-

ют двух или нескольких авторов практически одновременно, а иногда в придачу еще и на ограниченном клочке пространства. В результате на свет появляются во многом идентичные произведения и закономерно увеличивается число судебных разбирательств по искам о нарушении авторских прав. Подверженным эмоциям существам проще обвинить соседа в плагиате, нежели признать банальную случайность некоторых совпадений. Зачастую рассказы творят сами себя, а писатели, подобно жителям Всекогда, выступают в роли проводников для историонов.

— Хорошо, — произнесла Алира. — Со Вселенной-Ноль, летописцами и круговоротом историй мы разобрались. Пора перейти к главному — как нам с друзьями вернуться отсюда в наш мир?

— Думаю, сначала нужно ответить на вопрос: как нас сюда занесло? — рассудил Эдвин. — У вас имеются на сей счет предположения, господин Декстер?

— Я и сам несколько в растерянности... Прежде со мной ничего похожего не происходило. В том плане, что персонажи записываемой мною истории никогда не материализовывались на пороге моего дома. Предлагаю порассуждать вместе. Я вам изложу ряд положений, касающихся устройства Мультивселенной, а вы на их основании сделаете логические выводы. Зная вас, уверен, вам мыслительная работа не будет в тягость.

— Мы постараемся, — пожал плечами юноша.

— Итак, — приступил я к содержательной лекции, — сперва пара ранее обещанных слов о фазовом пространстве. Представьте Вселенную...

— Легко, — отозвался Эдвин.

— Кому как... — прошептала себе под нос Алира.

— Рассмотрим Вселенную как огромную сложную систему, — продолжал я. — Представили? Чудно. Сейчас мы возьмем и зафиксируем нашу систему в одном неподвижном состоянии, в котором гипотетический обитатель Вселенной (предположим, он человек, живущий на заданной планете, в заданной галактике и в заданный момент времени) только-только проснулся поутру, встал с кровати, умылся и собирается приготовить себе завтрак. У наблюдаемого нами индивида возникает выбор, чем же сегодня побаловать себя: сэндвичем с ветчиной или кукурузными хлопьями с молоком.

— Извечная дилемма... — прокомментировал Нолан.

— Таким образом, у Вселенной как у системы в будущем возможны два состояния: в первом человек уплетает вкусный сэндвич, а во втором — наслаждается полезными хлопьями. Причем оба действия теоретически способны запустить две альтернативные цепочки последующих событий. Вдруг, к примеру, какой-то из продуктов окажется испорченным. Тогда в реальности, где наблюдаемый отказался от употребления опасной пищи, у него не возникнет проблем со здоровьем, а вот там, где человек отравился, ему придется

несладко, он вынужденно пропустит работу, что, в свою очередь, может повлечь еще дополнительную цепочку событий, отражающихся и на заболевшем, и на его друзьях, знакомых либо сослуживцах. Улавливаете, куда я клоню? Самая крошечная и будто бы совершенно незначительная деталь ведет к образованию как минимум двух различных состояний системы. А теперь вообразите, сколько подобных выборов делается ежесекундно на просторах гигантской Вселенной. И ведь я пока говорил только об осознанном выборе! А добавьте к числу переменных величин ядерные реакции внутри звезд, или варианты траектории полета миллиардов астероидов в космосе. В результате количество возможных состояний Вселенной — заметьте, в один и тот же момент времени — доходит до бесконечности. Так и формируется бесконечное фазовое пространство, каждой точке которого соответствует конкретное состояние Вселенной. Это пространство мы и зовем множественной Вселенной или Мультивселенной.

— Эдвин, — обратилась Алира к юноше, — сделайте одолжение, переведите нам с господином Ноланом сказанное на человеческий язык. Я верю, у вас получится.

— Ну... выражаясь проще, — прикинул молодой человек, — ввиду бесконечного числа всевозможных вариантов развития тех или иных событий во Вселенной, их, Вселенных, тоже должно быть бесконечное количество, а в совокупности они составляют единую Мультивселенную.

— Вы попали в самую точку! — обрадовался я. — Хотя чему тут удивляться, с вашим-то умом... Бесконечность же — штука сама по себе занятная. Мы с вами установили, что фазовое пространство подразумевает бесконечное число состояний Вселенной, отсюда у нас появляется бесконечное число самих вселенных, а в каждой из них вероятно как наличие мира Земли-Матери, так и его отсутствие. Иными словами, существует бесконечное число тех вселенных, в которых ваш мир есть, и бесконечное число тех, где его нет. При формировании Земли-Матери что-то могло пойти не так неисчислимым количеством способов: Вселенная могла подчиняться совершенно другим законам, или в ней просто не образовалась нужная галактика, или не возникло ваше солнце, или Гигант так и не сложился из пыли и газа, или от планеты не откололся кусок, превратившийся потом в спутник... Однако даже среди бесконечных вариантов Вселенной, включающих Землю-Мать, выделяется опять-таки бесконечное количество миров, похожих и непохожих на ваш. Если вам интересно, то в Мультивселенной нашлось местечко для очень разных и подчас весьма примечательных версий Земли-Матери. Где-то на спутнике до сих пор правят разумные ящеры...

— До сих пор? — уточнил Нолан, подозрительно прищурившись.

— Ага, — не стал я вдаваться в подробности. — Где-то жизнь и вовсе толком не зародилась. Где-то власть захватили

жестокие киборги-убийцы. Где-то кротокрысы обзавелись зрением и эволюционировали до уровня высокоинтеллектуальных созданий. Где-то щупальценогие многоглазы построили обширную межгалактическую империю. Где-то мир колонизировали пришельцы с отдаленных планет. Где-то Землю-Мать подхватила и водрузила себе на спину пролетающая мимо бо-о-ольшая космическая черепаха. Где-то дети Земли истребили друг друга в ходе многовековой кровопролитной гражданской войны. А где-то, наоборот, они и сейчас живут припеваючи, ибо никогда не сталкивались с насланным детьми Универсума метеором...

И тут я умолк. В комнате повисла неловкая пауза. Гнетущую тишину робко пыталось прервать клацанье идущих задом наперед настенных механических часов — и то безуспешно. Три пары широко раскрытых глаз впились в меня похлеще любых кинжалов. Упс... Кажется, увлекшись, я чуть-чуть проговорился: упомянул о факте, до того остававшемся тайной для моих гостей, да и для вас, дорогие читатели, тоже.

— Что значит «насланным детьми Универсума»? — наконец спросила Алира.

— Э-э... — протянул я.

— Метеор, уничтоживший цивилизацию детей Земли — дело рук Ордоса и Каоса? — переформулировал Эдвин.

— Ну-у...

— Выкладывайте уже, господин Декстер, — посоветовал

Нолан.

— Уф...

— Колись, летописец, — призвал Ульрих.

— М-м...

— Своей неуверенностью вы лишь бессмысленно оттягиваете неизбежное, — вставил Брент.

Как нетрудно догадаться, моя нечленораздельная реакция была результатом обоснованных сомнений, коими я не преминул поделиться с визитерами:

— Видите ли... Хм... отношения по типу «персонажи-летописец-история» довольно сложные...

— Обойдемся без затянутых теоретических вступлений, — настоял юноша. — Как бы мы их ни любили.

— Я-то к чему веду... Просто летописец строго подчинен истории, а она подчинена действиям персонажей. Из всех троих я, как правило, — самый подневольный субъект, и не знаю, вправе ли оказывать прямое влияние на течение повествования. Не дурной ли тон — вмешиваться в описываемый тобою же рассказ?

— А вы взгляните на ситуацию под иным углом, — порекомендовала девушка, — словно бы на время вы переквалифицировались из летописца в активного участника. А что? История сама пожаловала к вам в гости, превратив соответствующим образом вас в ее персонажа. Так почему бы вам не воспользоваться подвернувшимся случаем и не поведать нам целиком правду о сыновьях Универсума?

— Логика в ваших рассуждениях присутствует, — признал я. — Да, если рассматривать меня не в качестве летописца, а в качестве непосредственного участника... Ладно... Предположим, истории угодно вовлечь меня в повествование, дабы я рассказал вам о доселе неизвестных подробностях касательно братьев Ордоса и Каоса. Про извечное соперничество между детьми Универсума вы и без меня в курсе. Однако мало кто знает о широком наборе дополнительных правил их непрекращающейся игры, включающих, помимо прочего, перечень разнообразных стартовых условий — неких исходных позиций, определяемых перед началом очередной партии. Это выглядит примерно так. Ордос с Каосом прибывают в новый обитаемый разумными существами мир и дают приблизительную оценку степени развитости местного общества, а также склонности аборигенов к самоорганизации и упорядочению или же, напротив, к хаотичности и разрушениям. Затем пришельцы прикидывают, на чью сторону по умолчанию перевешивают условные весы. Коли обитатели мира более почитают порядок, и преимущество образуется у Ордоса, то стартовые условия игры должны приниматься в пользу Каоса. А ежели мир и без того погряз в хаосе, то позиция искусственно выравнивается уже в угоду Ордосу.

— Чокнутые психопаты, — озвучил мнение Нолан. — Они будто в настолку играют...

— А они и играют. По их мнению. Увы, к сыновьям

Универсума не применимы общепринятые нормы морали. Будучи древними сверхмогущественными энергетическими сущностями, Каос и Ордос ставят себя выше не только других форм жизни во Вселенной, но и вне таких понятий, как добро и зло.

— Типичные эгоманьяки, — охарактеризовал детей Универсума журналист. — Всякое разумное существо, полагающее себя вне рамок добра и зла, в моих глазах автоматически причисляется ко злу. Оправдания вроде «они для нас все равно что тараканы для них» не канают. Люди, в отличие от тараканов, наделены свободной волей.

— Ха! Попробуйте донести сию мысль до высокомерных богоподобных созданий возрастом в семь миллиардов лет! Они возникли задолго до зарождения органической жизни. Легенды о них в виде потоков историонов распространялись и распространяются по галактикам с незапамятных времен. Откуда, думаете, балансиры и Земля-Мать впервые услышали об Ордосе с Каосом? Информацию о детях Универсума хранил эфир еще с тех пор, когда ваш спутник не отделился от Гиганта. Ну да неважно. Возвращаюсь к рассказу о гибели цивилизации детей Земли: Ордос и Каос, изучив продвинутый и в культурном, и в технологическом плане мир Земли-Матери, решили избрать стартовые условия, выравнивающие баланс в сторону хаоса. Отобрав ряд вариантов, братья бросили жребий. Игральная кость указала на «катастрофу из космоса»...

— Да вы верно шутите?! — возмутился Эдвин. — Они... они...

— Они, задействовав эфирный фон Гиганта, при помощи волшебства сотворили практически из ниоткуда здоровенный метеор, — пояснил я. — Каменная глыба мгновенно обрушилась на спутник. Шансов предотвратить столкновение не было.

— Вот почему не сработала система противокосмической обороны! — догадался Нолан. — Если бы метеор прилетел издалека, его бы наверняка нейтрализовали. А тут он возник прямо над головами детей Земли, и никто не успел среагировать. Небось даже балансиры не ожидали магической атаки из-за пределов спутника...

— Мерзавцы! — не сдержалась Алира. — Ордос и Каос в одночасье погубили миллионы детей Земли. И ради чего?

— Ради забавы, — гневно стиснув кулаки, сквозь зубы процедил Эдвин. — Ради какой-то дурацкой игры...

— Мне очень жаль, — посочувствовал я, как будто это на что-то влияло. — Мир Земли-Матери далеко не первый из пострадавших от соперничества сыновей Универсума. За миллиарды лет они разрушили множество обитаемых спутников и планет в вашей Вселенной. Противоборство идеологий, которое Ордос и Каос всегда приносят с собой, приводило к страшным войнам, глобальным катаклизмам, полному истощению жизненно необходимых ресурсов... Началось с цветочек. К концу игры от мира вообще мог-

ла остаться неприглядная куча обломков, рассеянных в космическом пространстве. Да и в параллельных вселенных дети Универсума уничтожали Землю-Мать неисчислимое количество раз.

— Погодите, — остановил меня юноша. — Выходит, существуют варианты Вселенной, где наш родной мир уже нельзя спасти?

— Боюсь, да. Скажем, в одной из подобных реальностей отчаявшиеся визы во время войны Порядка против хаоса нанесли сокрушительный магический контрудар по острову Королей, но не рассчитали сил, тем самым вызвав необратимые климатические изменения на всем спутнике. Вам повезло, так как в вашей версии Вселенной Еоа, мудрая хранительница Источника, категорически воспрепятствовала потенциальному геноциду людей.

— Во дела... — почесав в затылке, глубокомысленно констатировал Нолан.

— И я уж молчу о десятках случаев, когда проваливалась ваша собственная операция по предотвращению катастрофы.

— Наша?! — заволновалась Алира.

— Да. Любой из вас не единожды мог запросто расстаться с жизнью. Не покорми господин Эдвин водяного пирожками, и вы бы все погибли, утонув в реке после предательства Ксалины.

— Я тоже о том случае частенько вспоминаю, — признал-

ся юноша.

— Знаю.

— Откуда? Ах да... Историоны...

— И аналогичных примеров у меня найдется масса. Впрочем, не станем отвлекаться. Ни к чему мне вам пересказывать ваши же приключения. Хочу вас поздравить: с большой долей вероятности вы сумели предотвратить гипотетическую трагедию 406 года.

— Уверены? — уточнил Нолан.

— Конечно! Ведь эфирный преобразователь сейчас находится у господина Эдвина в рюкзаке, а без данной детали визам не удастся запустить опасную машину. Однако угроза сохраняется, покада Ордос и Каос не покинут ваш мир, отыграв жестокую партию до конца.

— Значит, мы обязаны от них избавиться, — резюмировала Алира.

— Смелое заявление, — заметил Нолан. — Вряд ли они добровольно уйдут, если мы их вежливо попросим. А мериться силами с бессмертными полубогами... Мы сами испытали на себе мощь Каоса. Колдовство, кажись, его не берет, пули бесполезны, энергия балансиров нас вообще закинула незнамо куда...

— Со стражами — моя промашка, — печально изрек Эдвин. — У меня не получилось уравновесить стихии — не хватило ветра Догоды.

— Не вините себя, — поспешила его утешить девушка.

— Вы относительно неплохо справились. Уж лучше переместиться во Всекогда, нежели быть сметенными заклинанием Каоса.

— Наверно... — неохотно признал юноша.

И вновь пауза. Ох и расстроил я своих посетителей. Нет бы похвалить их за прекрасную работу, мол, ребята, вы молодцы, вам дали поручение и вы блестяще с ним справились. Отныне можете расслабиться. Остальное не ваша забота. Ордос, Каос... да плюньте на них! Возвращайтесь домой. Живите долго и счастливо... Но увы. Эдвин, Алира и Нолан теперь не успокоятся. Однажды вкусив плод с дерева героизма, ты как бы «подсаживаешься» на дальнейшее совершенствование подвигов. Наивно ожидать, что, зайдя настолько далеко, наши друзья удовлетворятся полумерами. Троица наверняка не пожелает останавливаться на достигнутом. Я-то этих людей хорошо знаю! И раз ваш покорный слуга неспособен отговорить прирожденных спасителей мира от исполнения заложенного в них природой предназначения, то логичнее, по примеру проникательной госпожи Филии, оказать им всестороннее содействие. Откровенно говоря, об одной любопытной особенности детей Универсума мне пока не довелось упомянуть. Ну, вот черед и настал.

— В Мультивселенной курсирует предположение, — осторожно промолвил я, — согласно коему Ордос и Каос черпают пускай и не всю, но значительную долю энергии из чужих верований и убеждений.

— Та-а-ак, — заинтересованно протянул Нолан, — мы жаждем услышать подробности.

— Прибывая в очередной мир, дети Универсума с целью победить в игре принимаются активно насаждать среди местного населения идеологию хаоса или порядка соответственно. Чем больше у идеологии набирается приверженцев, тем прочнее становятся позиции сына Универсума. Однако это палка о двух концах, ибо чем меньше последователей у философии абсолютного порядка, тем больше ослабевает Ордос, а непопулярность учения о хаосе ведет к утрате Каосом части могущества. Теоретически, лишив пришельцев поддержки народа, вы сумеете немного повысить вероятность на свой успех.

— Но разве, ослабив одного, мы одновременно не усилим другого? — усомнился Эдвин. — Разве снижение уровня хаоса не влечет рост порядка, а снижение уровня порядка — рост хаоса?

— Как посмотреть, — вдруг включился в обсуждение андроид.

— Брент? — аж удивился Нолан. — У тебя родилась мысль, отличная от «все мы умрем»?

— Во-первых, — занудным тоном произнес робот, — мы и так все умрем. Вы-то уж точно, причем в течение каких-то жалких нескольких ближайших десятилетий. Во-вторых, я — доктор философских наук, а стало быть, кое-что смыслю в порядке, хаосе и, главное, в том, что лежит между ними.

За изощренными методами сыновей Универсума прячутся довольно-таки примитивные идеи. Ордос стремится максимально упорядочить Вселенную, Каос — максимально ее дестабилизировать. Обе крайности, как и в принципе любые крайности, просты для восприятия с точки зрения объекта воздействия, но неизбежно наталкиваются на ряд препятствий при переносе теоретических воззрений на практические рельсы. Жизнь изменчива, а разумные существа склонны поступать неразумно. Можно выдрессировать собаку, и она в определенной ситуации поведет себя строго определенным образом, не задумываясь о причинах и следствиях предпринимаемых действий. Человек же поддается дрессировке весьма ограниченно. Никто не даст стопроцентной гарантии от непредвиденных — чисто людских — нелогичных поступков. Вот переклинит в ответственный момент у человека в голове — и вся дрессировка коту под хвост. Люди думают, чувствуют, переживают. Они не андроиды (увы и ах!), их нельзя надежно запрограммировать. Абсолютный порядок чужд неразумно-разумным существам в той же мере, как и беспредельный хаос. Вы — потомки детей Земли — всегда стремитесь отыскать золотую середину. Разумеется, безуспешно, поскольку движение, поиск и есть золотая середина. Тотальное упорядочение и неконтролируемый хаос являются точками. А точки опосредуют завершение, финал. Органическая жизнь, напротив, не приемлет идею конца, она направлена на постоянное развитие и борьбу за существование.

ние. Посему вы вполне в состоянии одновременно противостоять и радикальным взглядам Каоса, и не терпящим двоякого толкования постулатам Ордоса, удачно балансируя меж двух крайностей. Так вы и ослабите обоих детей Универсума сразу.

— Ушам не верю! — воскликнул Нолан. — Брент дает совет! Да притом дельный! У нас наметилась четкая цель — подрываем позиции Ордоса с Каосом, гады теряют часть силы, а потом... потом... хм, а что, кстати, потом?

— Дальнейшие действия рекомендую обсудить с Землей-Матерью, — посоветовал я. — Она умное и всезнающее создание. Посовещавшись с ней, вы наверняка разработаете детальный план по устранению угрозы, исходящей от детей Универсума.

— Отлично! — обрадовался журналист. — Здорово! Класс... А как нам все-таки попасть домой, в нашу Вселенную?

— Хороший вопрос, — поддержал Эдвин. — Вы, господин Декстер, прежде чем отвлечься на разговор о детях Универсума, подробно изложили концепцию Мультивселенной, но мы так и не установили, каким образом нас занесло во Всекогда.

— Полагаю, причина в историонах, — выдвинул я гипотезу.

— Возможно, — согласился начитанный юноша. — Как я понял, в структуре множественной Вселенной именно исто-

рионы выступают в роли связующих звеньев, объединяющих фазовое пространство и стягивающих рассказы из остальных вселенных во Вселенную-Ноль. А значит, логично допустить, что мы с друзьями материализовались здесь благодаря этим частицам.

— Кроме того, — добавил я, — необходимо учитывать специфику усиления потока историонов, обусловленную моментом наивысшего повествовательного напряжения. Мы назовем подобное усиление кульминационным экстремумом...

— Ну конечно! — уловил мысль Эдвин.

— Так, все, — прервала наш научный диспут Алира. — Я человек далеко не глупый, хочется надеяться... Тем не менее от вашего диалога у меня скоро мозг взорвется. Мульти-вселенная, фазовое пространство, историоны — тут я более или менее сориентировалась. Однако словосочетание «кульминационный экстремум» вгоняет меня в уныние от осознания истинных глубин моей тупости.

— И вовсе вы не... тупая... — скромно обратив взор в направлении пола, по-своему приободрил девушку юноша.

— Ох, и умеете же вы поднять мне настроение вашим фирменными смущенно-невынужденными комплиментами! — усмехнулась Алира. — Господин Декстер, пожалуйста, поведайте детальнее о кульминационном экстремуме.

— Кульминационный экстремум — это пиковое состояние интенсивности потока историонов. Оно, как я уже обозначил, возникает в момент наивысшего напряжения в хо-

де повествования. Схватившись с Каосом, вы спровоцировали соответствующее возмущение, истончившее грань между вашей Вселенной и Вселенной-Ноль до критически минимального значения. И все же без участия катализатора вам не удалось бы совершить перемещение.

— Катализатора? — задумался Эдвин. — Точно! Взаимодействие двух противоположных энергетических зарядов при их столкновении! Я, кажется, успел в последнюю секунду наколдовать штуку навроде супермегаультразащитного барьера.

— А-а... — дошло до меня. — Атакующее заклинание Каоса наложилось на ваши оборонительные чары. Поток частиц встретился с потоком античастиц. По-видимому, произошла локальная аннигиляция...

— Мы, типа, планету уничтожили? — занервничал Но-лан.

— Необязательно, — развеял опасения Эдвин. — Не забывайте, нам помогали балансиры. Они бы не допустили разрушения Гиганта, которое могло заодно привести и к гибели Земли-Матери. Явно неслучайно во Всекогда очутились мы пятеро: я, Алира, господин Нолан, Ульрих и Brent — все, кто до соударения находился внутри защитного купола. Поверхность барьера поглотила огромное количество энергии, выделенное в результате столкновения частиц с античастицами, и перенаправила образовавшиеся излишки на создание разрыва в истончившейся ткани пространства-време-

ни, который переместил нас следом за достигшим кульминационного экстремума потоком историонов. Помните, Джаггер нам рассказывал о стремлении эфира либо созидать, либо разрушать? Мощный магический фон на Гиганте вполне способен был посодействовать открытию бреши, ведущей из нашей Вселенной во Вселенную-Ноль.

— Ла-а-адно, — не особо вникая в суть и полностью доверившись суждениям юноши, произнесла Алира. — Будь по-вашему... А теперь потолкуем о том, как развернуть процесс вспять.

— Вспять? — переспросил Эдвин. — К сожалению, беседа получится короткой, ибо процесс завершен и его не обратить. А воссоздать нужные условия при данных обстоятельствах не представляется осуществимым, ввиду хотя бы отсутствия злобного Каоса, пытающегося нас убить тысячей волшебных перламутровых огоньков...

— То есть мы застряли, — сделала неутешительный вывод девушка.

— Не факт, — вновь (оцените мою знаковую роль!) пробудил я надежду в сердцах гостей. — На курсах подготовки начинающих летописцев — да, мы проходим специальное обучение — нам читали лекцию о двусторонней связи источника истории и Вселенной-Ноль.

— Простите за нескромный вопрос, — обратился ко мне Нолан, — как давно вы слушали ту лекцию?

— Хм... С учетом нестандартного течения времени во

Всекогда правильными будут считаться сразу несколько ответов, включая «миллионы лет назад» и «вчера». Вы не беспокойтесь, я профессионал. И как профессионал ответственно заявляю: в конкретную пространственно-временную точку любой из вероятных вселенных достаточно реально попасть, используя... записи летописца! Вам надо внимательно прочесть нужные строчки в тексте, сосредоточиться на них, подключить чуточку воображения, уподобившись читателю, с головой погруженному в захватывающую книгу, и при должной концентрации вы перенесетесь в место и время, указанное в рукописи.

— И чего ж вы раньше молчали?! — возмутилась Алира.
— Живо давайте сюда бумагу с фразой о вспышке и взрыве!

— А вы уверены, что перемещаться назад безопасно? — осведомился я. — Там вас, скорее всего, ждет продолжение битвы с могучим Каосом...

— А нельзя ли отправиться в момент, допустим, за десять минут до начала сражения и предотвратить столкновение? — поинтересовался Нолан.

— У вас не выйдет изменить ход повествования, если вам в качестве участника и/или читателя уже доподлинно известно о дальнейшем развитии событий, — сообщил я. — Это фундаментальный закон межвселенского нарратива. Ничего не поделаешь.

— В любом случае вернуться домой нам придется, — заявила Алира. — Не бросать же родной мир на произвол судь-

бы, вечно отсиживаясь в уютном домике во Всекогда! Каос или не Каос, а рискнуть мы обязаны...

— Тогда приготовьтесь мгновенно атаковать мерзавца, — заметил Ульрих. — У нас в распоряжении лишь один шанс застать противника врасплох.

— На сей раз мы не дадим повелителю хаоса спуска, — уверенно изрек Эдвин. — Господин Декстер, будьте любезны, предоставьте нам рукопись.

Я повернулся к столу и поднял лежавший на нем листок.

— Дайте волю вашему богатому воображению, — напутствовал я, протягивая юноше бумагу.

— Попробую, — отозвался Эдвин. Его глаза быстренько пробежались по последнему абзацу. Затем молодой человек сомкнул веки, представив, будто многоточие превращается в просторный зал с исполинской машиной. Вокруг разбросаны ошарашенные визы, трансформировавшийся в монстра Каос свирепо насылает смертоносное заклинание, а трое людей, книг и андроид укрываются за нестабильным бело-голубым щитом... Картинка, сперва схематичная, в сознании Эдвина начала обрастать подробностями. Через пару минут к ней добавился объем. Нолан, Алира, взявшая на руки Ульриха, и Brent встали к юноше вплотную. Друзья тоже принялись постепенно окунаться в воссозданные Эдвином декорации.

— Как наяву... — прошептал он и вместе с товарищами растворился в воздухе. Ничем не поддерживаемый листок рукописи плавно опустился на паркет. Подобрал бумажку с

пола, я положил ее поверх высокой стопки. Далее, не предаваясь излишним размышлениям, ваш покорный слуга достал из ящика столь непредусмотрительно спрятанные туда перо и чернильницу, взял чистый лист и, повинувшись велению историонов, каллиграфическим (каким же еще!) почерком вывел на желтоватом холсте надпись: «Дети Универсума. Книга 5. Грехи богов», а чуть ниже добавил: «Глава 1. Всекогда». Приключения Команды Чаши продолжаются, потому и мне отлынивать от работы не следует.

Глава 2. Великий замысел

Вот он — момент истины. Команда Чаши появилась посреди широкой платформы в подземном ангаре под станцией «Бону». Эдвин в воображении наколдовал гигантский огненно-молниевый шар, Алира настроилась на энергию ветра, готовая сию минуту призвать целый смерч, Нолан держал в руке гранату, Ульрих выискал на собственных страницах заклинание, выведенное под скромненьким заголовком «Мини-конец света», а Брент в ожидании неприятностей сложился в компактную тумбочку. Ох и не поздоровится же Каосу! А кстати, где он?.. Здоровенный эфирный стабилизатор — есть. Медленно поднимающиеся с пола визы — тоже в наличии. Но куда подевался повелитель хаоса?

— Какого *брхгл* тут сейчас произошло?! — не стесняясь в выражениях, воскликнул находящийся в состоянии сильнейшего потрясения предводитель визов в фиолетовом одеянии.

— Где Каос? — обращаясь ко всем присутствующим, громко и отчетливо спросил журналист.

— Вы про сбрендившего и превратившегося в безобразное чудовище Аоо? — уточнил потихоньку начинавший приходить в себя лидер. — Он испарился — исчез вскоре за вами. А вы... вы-то почему до сих пор живы? Я видел, как монстр метнул в вас «Тысячу и одного светлячка забвения»

— ультимативное заклинание смерти. О такой магии нынче можно только в древних свитках прочитать. На сегодня никому из нашего народа не подвластна стоящая за ней мощь. Удивляет и то, что Аоо оказался способен сотворить подобное, и то, что вы абсолютно не пострадали. Ни один из стандартных волшебных защитных барьеров не в состоянии уберечь от сонма убийственных огоньков. А каждый огонек, прошу заметить, эквивалентен сотне запасенных вашим голубоглазым юношей огненно-молниевых шаров. Вам, молодой человек, я, между делом, посоветовал бы немного расслабиться, пока вы нас не спалили дотла.

— Ладно, — ради успокоения выдохнул Эдвин. — Я не буду в вас стрелять, если и вы пообещаете не нападать на меня и моих друзей.

— С нашей стороны теперь было бы крайне неосмотрительно атаковать противника, наделенного столь значительным могуществом. Я сразу и не разглядел в вас огромного магического потенциала. В смысле, вы, конечно, ловко перекакивали на теневую сторону и обратно, однако сей трюк, имея хорошего наставника да при должном усердии, в силах освоить любой средненький чародей.

— Прозвучало немного обидно, — обратил внимание юноша. — Я-то так гордился достижениями в изучении магии тьмы...

— Нет-нет, — поспешил заверить виз, — для человека визит на теневую сторону вполне неплохой результат. Просто

ничего действительно из ряда вон в том нет. Но созданный вами во время боя купол антисмерти — совершенно иная ступень мастерства.

— Купол антисмерти?.. — неуверенно повторил Эдвин.

— Именно так по-научному именуется примененное вами волшебство. Вы с теорией, вообще, знакомы?

— Видимо, лишь на уровне азов, — критически оценил свой уровень молодой человек. — В наших краях непросто достать древние визские манускрипты для штудирования терминологии, относящейся к давно забытым заклинаниям...

— Воистину потрясающе! — изумился предводитель. — Вы умудряетесь применять колдовство запредельной мощности, даже не ведая его названия! В чем, интересно, ваш секрет?

— Он на то и секрет, — вмешался Нолан. — Вы нас собирались под замок посадить, а это не особо благоприятно отражается на взаимном доверии. Давайте вы нам ответите на несколько вопросов, а потом мы уже решим, стоит ли с вами откровенничать.

— Справедливо, — уловив взором выведенное на лицах оклемавшихся сограждан настороженное любопытство, согласился виз. — О чем же вы хотите услышать?

— Сначала в деталях расскажите про исчезновение Каоса, — предложила Алира. — Он погиб? Стал невидимым? Ушел? Что именно с ним стряслось? Нам необходимо опре-

делить, насколько вероятно его возвращение в ближайшем будущем.

— Постараюсь предельно подробно описать случившееся, — приступил к объяснениям предводитель. — После того как обернувшийся монстром Аоо ударил по вам парой энергетических шаров, а вы укрылись ветряной преградой, меня отбросило к противоположному краю платформы и дальнейшее я наблюдал, лежа на полу. Успешно отразив серию опасных выпадов, вам удалось серьезно разозлить противника. Затем вас окутал мрак, и я с ужасом узрел сияние множества огоньков. Прежде мне не доводилось лично присутствовать при создании «Тысячи и одного светлячка забвения», но, опознав данное заклинание по его изображениям на старинных гравюрах, я тотчас же вас мысленно похоронил. И вдруг из трясущегося тела юноши исторгся бело-голубой поток. Барьер мгновенно навис над вами ровно в ту самую секунду, когда убийственные огоньки почти достигли цели. От столкновения светлячков с поверхностью защитного купола возникла ярчайшая вспышка, ненадолго ослепившая меня и остальных, из-за чего никто из нас не увидел взрыва. До нас докатился лишь бешеный грохот. Наверняка не смогу сказать, где конкретно имел место взрыв. Тем не менее потолок не обвалился, платформа не покорежилась, машина не пострадала. Соответственно, сдетонировало хоть и рядом, но в относительной изоляции, а единственным изолированным участком была полость вашего защитного купола. Получа-

ется, взорвались вы. Я, естественно, подумал, мол, вас уже ничто не спасет, а нам, выжившим, как-то придется разбираться с чудовищным Аоо, внезапно обнаружившим познания в области магических техник, доселе представлявших-ся безвозвратно утерянными. И какое же облегчение я испытал, углядев едва протертыми глазами, как потерявшего сознание монстра относит куда-то вдаль и он скрывается в глубине образовавшегося у него за спиной портала. Наверно, Аоо попал под воздействие частично отлетевших к нему обратно огоньков — не поглощенных, а отраженных вашим барьером. Получив ранение, чудовище перед отключкой сгенерировало пространственный разрыв, чем обеспечило себе быстрое отступление.

— Отлично! — обрадовалась Алира. — Значит, он все-таки уязвим!

— Так-то оно так, — покачал головой Эдвин, — правда, почувствовав угрозу, он сразу же сбежал. А наколдовать портал, мягко говоря, непросто. То есть, даже у раненого, у Каоса еще остается впечатляющий запас сил. Кроме того, негодяй по-прежнему жив и ничто не мешает ему, восстановившись, вернуться сюда со жгучим желанием жестоко отомстить обидчикам.

— Я совершенно сбит с толку поведением Аоо, — откровенно заявил лидер визов. — Помню, мы вместе совершили перелет на Гигант около ста лет назад. Аоо всегда казался... нормальным.

— Хм, — произнес Нолан. — А до Большого исхода 304 года вы были с ним знакомы?

— Большого исхода? Выходит, так люди величают наше исчезновение? Любите вы навешивать ярлыки и сочинять броские названия. Прирожденные торгаши — чего с вас взять?.. Нет, не могу сказать, что тесно общался с Аоо до отбытия на планету. Наша группа переселенцев представляла собой сборище самых разных визов из самых разных уголков острова Дракона. Многие из нас сдружились уже на Гиганте.

— Ясно, — сделал вывод журналист. — Каос вполне мог затесаться в ваши ряды еще тогда, и на протяжении сотни лет вы жили в относительно замкнутом пространстве бок о бок с чрезвычайно опасным соседом.

— Не понимаю, — признался лидер. — Аоо, или Каос — кто он? Явно ведь не виз. Какими бы страшилками о нас ни запугивали люди своих маленьких детишек, мы не обучены, сбросив кожу, трансформироваться в омерзительных, покрытых иголками существ.

— Каос — один из сыновей Универсума, могущественнейшее бессмертное порождение нашей Вселенной и носитель идей абсолютного хаоса, — предоставил справку Эдвин. — Да, мы с госпожой Алирой и господином Ноланом отреагировали на аналогичное известие точно так же округлившимися глазами и отвисшими челюстями, прямо как у вас...

— Вам... — уняв волнение, промолвил предводитель. — Вам предстоит детально нас просветить по поводу сих от-

прысков Универсума.

— Итак, — принялся «просвещать» юноша. — Если коротко, то все началось примерно четырнадцать миллиардов лет назад...

Эдвин рассказывал, а визы внимали каждому его слову. Молодой человек упомянул о происхождении Ордоса и Касоса, об извечном соперничестве братьев, по сути, являвшемся одной большой игрой, состоящей из бесконечного числа партий. Добавил юноша и о полнейшем отрицании детьми Универсума прав местного населения на самоопределение. За последние миллион лет волю народам Земли-Матери диктовали какие-то пришельцы из космоса, и пора бы с этим покончить, пока не стало слишком поздно. Из-за опытов визов с эфирным стабилизатором жизнь на спутнике оказалась под угрозой. К счастью, вовремя подросли трое людей, андроид и книг, которые умыкнули важный компонент из недр разрушительной машины...

— Н-но мы не собирались уничтожать мир! — воскликнул лидер визов.

— Однако я наверняка не ошибусь, предположив, что вы намеревались как-то использовать стабилизатор, — заметил Эдвин. — Иначе зачем вам прикидывать варианты способов выведения аппарата на орбиту?

— Вы прочли записи... — догадался предводитель. — Да, мы планировали... эксперимент. Попытаюсь объяснить... Эх... Визы живут на Гиганте сто один год. Нам тут, как ни

странно, нравится. На планете естественным образом поддерживается благоприятный эфирный фон. На бескрайних пустынных равнинах у нас есть возможность свободно практиковаться в магии. Внутри комплекса, построенного расой наших предшественников, имеется все для обеспечения нормального существования. Нас никто не трогает, нам не навязывают чужие правила, не объявляют дурацких войн во славу глупых идей, на наше жилище отныне не посягают... Но... мы и век спустя по-прежнему ощущаем себя гостями. Многие из нас родились еще на Земле-Матери и скучают по ней: по зеленым лесам и полям, по голубому небу, по золотистым подсолнухам, мерно колышущимся на мягком ветру, по пению соловья, по мычанию пасущихся на лугу коров... Проще говоря, мы скучаем по нашему дому на острове Дракона. Обстоятельства вынудили нас уйти. И дело не столько в людях-захватчиках, сколько в изменениях магического поля спутника. Вы слышали о Пещере Источника — средоточии эфирных потоков Земли-Матери? Немногим представителям человеческой расы известно о расположенном в сердце Источника кристалле. Тысячелетиями огромный монолит из затвердевшего эфира питал энергией наш народ. Увы, в ходе войны с людьми мы чрезмерно злоупотребили дарами природы, перенаправив мощь кристалла на установление волшебного барьера, накрывшего полностью остров Дракона. В конце концов под неистовым натиском человеческой армии преграда не выдержала, а кристалл Источника трес-

нул. От твердого эфира отпал маленький кусочек, через полгода отвалился еще один, а чуть позже — еще один, потом еще и еще... Спустя пять лет величественная глыба превратилась в нагромождение из обломков. Разрушаясь, кристалл постепенно утрачивал значительную часть энергии. Сложенные вместе осколки обладали заметно меньшим магическим потенциалом, нежели целостная структура. Прошло десятилетие, и даже они принялись распадаться на куда более крохотные фрагменты. Минувло почти полвека, и кристалл рассыпался в пыль. Источник угас. Круговорот эфира замедлился до предела. Нам стало очень плохо. Без колдовства мы ничто. Оно — неотъемлемая составляющая нашей повседневной жизни, нашей древней культуры, нашей сути... Визы привязаны к магии в той же степени, как люди — к технологиям. Вот, к примеру, какие бы чувства вы испытали, отбери кто-нибудь у вас все технологические достижения человеческой цивилизации разом?

— Дискомфорт как минимум, — поделился соображениями Нолан. — Я давеча побывал в условиях недоступности сотовой связи, Комсети и иных радостей информационной эпохи. Ощущения... довольно непривычные...

— Ну а мы так и вовсе очутились на грани отчаяния! — продолжал лидер визов. — До свидания, простор для безграничного творчества! Прощай, независимость от вещей! Привет, торговля! Здравствуй, индустриализация! Хоть на стенку лезь, правда, без антигравитационного заклинания дале-

ко ты не заберешься... Мы не умели, да и не хотели, учиться жить по-новому. Оглядываясь назад, я, теперь уже умудренный опытом, осознаю, что к переменам стоит относиться гораздо спокойнее. Впрочем, это сегодня мне легко рассуждать в подобном ключе, а тогда ситуация виделась в менее оптимистичном свете. И вот однажды в Йоюоау пришел виз по имени Аиео, возвратившийся из длительного путешествия на север острова Дракона. Аиео поведал остальным об удивительном открытии. К северо-востоку от горы Страданий, среди никогда не тающих Ледяных полей, исследователь обнаружил странное сооружение, напоминавшее ангар. Пытливый склад ума сподвиг Аиео понажимать на наличествовавшие там кнопки и подергать за разноцветные рычажки. Методом тыка наш соотечественник привел в действие механизм запуска космического лифта... Далее последовали увлекательное перемещение на поверхность Гиганта, доскональное изучение станции, а также самое главное открытие — выявление неимоверно высокой концентрации эфира в воздухе планеты. Колдуй не хочу! Разумеется, рассказы Аиео воспринимались поначалу скептически — уж очень они походили на красивую выдумку. А все-таки было решено снарядить экспедицию на север с целью проверить истинность слов путешественника. И когда невероятная история Аиео неожиданно подтвердилась, на рассмотрение подняли серьезный вопрос о возможности колонизации Гиганта. Основная проблема — как уберечь факт открытия ангара от

людей, определенно пожелавших бы прибрать к рукам чудо-технологии космической транспортировки? Мы прибегли к радикальным мерам. В течение нескольких месяцев нами втайне формировались списки вероятных кандидатов на переселение. В число избранных попали лишь те визы, кому не удавалось найти себя в изменившемся мире. Инженеров, торговцев, банкиров, юристов и прочих, как мы их презрительно называли приспособленцев вычеркивали, не задумываясь. Возможно, зря. И уж точно несправедливо. Но места на станции всем не хватило бы. Плюс дополнительные ограничения накладывало требование повышенной секретности. В итоге на планету отправились самые надежные и одновременно особо нуждающиеся в магии визы. А чтобы люди нас не донимали, мы для верности завалили ангар взрывом, тем самым затруднив обратный путь и себе. Обжиться на Гиганте нам помог эфир. Благодаря волшебному элементу мы синтезировали кислород, прорыли дополнительные подземные тоннели, где обустроили квартиры. Также мы освоили сохранившиеся от проторасы механизмы. Машины детей Земли сочетают как продвинутые технологии, так и сложную магию. Мы мало смыслим в первых, зато прекрасно разбираемся во второй. Прозвучит парадоксально, но тем не менее вскоре нам удалось приручить прежде ненавистные плоды прогресса, и сегодня мы без них не обходимся. Ха! Видать, причина слепого презрения к человеческим инженерным разработкам крылась не в нашей культуре и не в

неприязни к людям, а в банальном непонимании явных преимуществ техники и, стыдно признаться, в неумении извлекать из приборов максимально полезные свойства. Поверьте, мы многое познали, изучая документы, собранные в архиве станции, в частности — язык детей Земли и основы сбалансированного мировоззрения, одинаково уделяющего внимание и взаимодействию с эфиром, и поступательному технологическому развитию. И все бы хорошо, да вот нас никак не отпускает тоска по родному дому, по Земле-Матери...

— И при чем здесь эфирный стабилизатор? — полюбопытствовала Алира. — Тоска не повод браться за применение разрушительного устройства.

— А мы и не рассматривали его в качестве оружия! — запротестовал предводитель. — Прямое назначение эфирного стабилизатора — стабилизировать эфир!

— В логике вам не откажешь, — отдал должное Нолан.

— Мы хотели уяснить принцип работы аппарата, дабы в будущем использовать машину для выравнивания дестабилизированного эфирного фона Земли-Матери. Мы... мы мечтали вернуть нашему дому некогда утраченное волшебство, а затем и вернуться самим... Предварительные расчеты указали на возможность восстановления нормального круговорота эфира в природе. Никто из нас не оказался в силах проигнорировать выпавший нам шанс вдохнуть новую жизнь в Источник.

— То есть вы возились с прибором не ради кровавой ме-

сти людям... — полупшепотом произнес Эдвин.

— Нет. Нами руководила исключительно забота о родном мире.

— Ох ты ж елки... — предельно точно описал ситуацию Нолан. — Мы готовились ко встрече с толпой разъяренных ренегатов, люто ненавидящих человечество, а наткнулись на группу безобидных мечтателей!

— Ну, если вас это утешит, людей мы и впрямь до сих пор недолюбливаем, — приободрил виз. — Да и превратить врага в горстку пепла нам по плечу...

— Так или иначе, а нас малость дезинформировали, — настаивал журналист. — Намеренно ли или же по незнанию, спросим у «информатора».

— Минуточку! — встрял в разговор Ульрих.

— О! — обозначил заинтересованность предводитель. — Ваша ожившая книга желает что-то сказать.

— Он книг, — мгновенно поправила Алира. — И он не наш, Ульрих вполне самостоятельная личность.

— Благодарю за уточнение, милая, — выразил признательность волшебный фолиант.

— Пустое, — отмахнулась девушка. — Я никому не позволю тебя оскорблять. Предпочитаю сохранять данную привилегию за собой.

— Еще бы! — беззлобно усмехнулся книг. — Так вот. Ты, господин начальник всея визов Гиганта...

— Я не начальник, — смущенно поправил виз. — У нас

в обществе... гм... все равны.

— А че ты тогда один базаришь? — удивился Ульрих.

— Просто я лучше владею человеческим языком и хорошо справляюсь с ведением переговоров, а другие мне доверяют. К тому же я мастерски готовлю *уыоауеуу* — традиционные визские оладушки...

В толпе сограждан не-предводителя прокатилась волна одобрительных возгласов.

— Э-э... — протянул книг. — Не улавливаю связи между оладушками и представительскими полномочиями... да и тысяча подземных демонов с вашими неочевидными обычаями! Ты, приятель...

— Меня зовут Ююо...

— Ты, друг мой Ююо, кладешь мне лапшу на обложку...

— Чего-чего?

— Пудришь мне форзац. Наводишь тень на переплетень. Точки мне втираешь. А по-простому, гонишь. Заявляешь, дескать, вы токмо хотели эфирный фон выровнять. Благо-родно, благородно... Однако записи на вашем компьютере свидетельствуют о другом! Вы установили настройки, позволяющие окончательно дестабилизировать магическое поле спутника!

— Нет-нет! — возразил Ююо. — Тут какая-то ошибка!

— Ошибка? Верно... Вы здорово ошиблись, когда возомнили, будто сумеете обдурить меня — Ульриха Непревзойденного! Эй, Нолан, круто я ввернул, а? А?..

Журналист в ответ недвусмысленно приложил ладонь к лицу.

— Ай и ладно, — пробурчал книг. — Главное — я разоблачил их обман.

— Мы и не пытались вас обмануть! — уверял Ююо. — Перепроверьте расчеты. Они правильные.

— Правильные с точки зрения уничтожения Земли-Матери? — стоял на своем Ульрих.

— Да нет же! Правильные для перебалансировки эфирных потоков на спутнике. У нас вычислениями занималась команда выдающихся ученых: Ёюо, Эюо, Яаа, Аюа и куча ассистентов в придачу... Хм... Подождите-подождите... Ассистенты...

Приложив кулак к подбородку, Ююо о чем-то крепко задумался.

— Одним из ассистентов числился Аоо? — по выражению лица собеседника попробовала угадать Алира.

— Да...

— В таком случае картина проясняется, — заключила девушка. — Каос тщательно все спланировал. После поражения визов в войне Порядка против хаоса сын Универсума затаился...

— Или же перебрался в Первоград, — предположил Нолан. — Там как раз в то время тотальный бардак творился.

— Но и в Кладе Каос не добился успеха, — развивала мысль Алира. — Затем умеющий изменять облик негодяй

— а мы с вами воочию лицеизрели соответствующую способность в действии — под видом обыкновенного виза Аоо присоединился к отбывавшим на Гигант переселенцам. Долгие годы повелитель хаоса жил на станции и изучал технологии детей Земли. Притом Каос не стремился как-то особо выделяться. Нет. Он орудовал исподтишка. Заметьте, хитрец не возглавил группу ученых, работавших с эфирным стабилизатором, а затесался среди ассистентов. Чрезвычайно удобная стратегическая позиция: вроде и спросить с парня нечего, а вроде он постоянно крутится рядом с уважаемыми исследователями. Не сомневаюсь, критическая ошибка в расчетах — результат незаметного вмешательства сына Универсума. Каосу и напрягаться-то было без надобности. Тут шепнул, там посоветовал, где-то намекнул... А в результате вы, преисполненные надежд по поводу скорого возвращения домой, запускаете устройство на орбиту, нажимаете «Старт», и... Земля-Мать погибает! А гнусный Каос, разрушив мир, празднует победу над Ордосом, и оба брата отправляются дальше бороздить просторы Вселенной в поисках местечка, подходящего для очередной партии их ужасающей игры.

— Чтоб мне вечность не колдовать! — выслушав девушку, в сердцах воскликнул Ююю. — Проныра нас обдурил! А вы, стало быть, прибыли предотвратить уничтожение Земли-Матери, а не шпионить за нами.

— Мы намеревались изъять преобразователь из машины и незамедлительно удалиться, — подтвердил Нолан. — Ну,

разве что еще прихватить содержащегося у вас под стражей космонавта...

— С доктором Дэмьеном возникнут осложнения, — предупредил виз. — Он по чистой случайности столкнулся с членом нашего подразделения по изучению поверхности планеты, который в целях предосторожности оглушил заблудившегося человека несмертельным разрядом электрической магии и приволок его бесчувственное тело на базу. Мы бы и рады отпустить доктора Дэмьена, но опасаемся, как бы он не раскрыл сведения о нас своему командованию. Нам на Гиганте сотню лет неплохо жилось без привлечения людского внимания, и мы бы предпочли продолжать в том же духе.

— Хотите сказать, вы не освободите заключенного? — перефразировал журналист.

— Хочу сказать... м-м... нам надо посоветоваться. Напомню, я не главный.

— Да, да... вы просто лучше других готовите оладушки...

— Именно. Мы рассмотрим вопрос об освобождении доктора Дэмьена из-под стражи на всеобщем собрании.

— И когда же вы соизволите собраться, если не секрет? — полюбопытствовал Нолан.

— Ввиду особых обстоятельств, вызванных вашим появлением, думаю... не позднее чем через час мне удастся созвать всех обладающих правом голоса граждан в зал для экстренных совещаний.

— Оперативно. — От удивления журналист аж приподнял брови.

— Мы, в отличие от людей, не любим разводить бюрократию. Пока идет собрание, вы можете подкрепиться у нас в столовой и отдохнуть в жилом отсеке. Иеа, моя дочь, сопровождает вас.

От толпы визов отделилась фигура юной девушки. Молодая визка с серебряными глазами и длинными распущенными голубыми волосами, одетая в узкое коричневое платье, встала перед людьми и в знак почтения легонько наклонила голову.

— Вы очень любезны, — отреагировала Алира на примирительный жест Ююю.

— Считаю, персоны, обладающие силой выстоять против заклинания «Тысячи и одного светлячка забвения», заслуживают предельно вежливого обращения, — ухмыльнувшись, изрек не-предводитель.

— Нам, помимо обеда, не помешало бы взглянуть на личные апартаменты Аоо, — изъявил желание Нолан.

— Отличная идея! — одобрила Алира. — Стоит внимательно осмотреть жилище врага — вдруг узнаем о Каосе побольше. Сын Универсума впервые раскрыл истинную личность, и грех не воспользоваться подвернувшимся шансом.

Иеа показала гостям дорогу в столовую. Сперва надлежало подняться на лифте наверх до надземного уровня, затем пройти в дальнее крыло сооружения. На кухне функциони-

ровал мудреный аппарат, синтезирующий высококалорийные питательные смеси непосредственно из эфира. Вероятно, прибор соорудили дети Земли, ибо вряд ли визы самостоятельно достигли столь высокой ступени магико-технологического развития. По консистенции получавшаяся еда напоминала творожную массу, а вкусы предлагались разные на выбор. Эдвину досталась субстанция, вызывавшая ассоциации с картофельным пюре наполовину с расплавленным сыром, Нолан остановился на смеси с ароматом овощного рагу, а Алира удовлетворялась более или менее привычной с точки зрения первоградской аристократки овсяноподобной кашей. После сытного обеда друзьям отчаянно захотелось вздремнуть, и неудивительно — с учетом-то потраченных сил. Смело вас заверю, вояж во Вселенную-Ноль — чуть ли не наименее тяжелое из выпавших на долю Команды Чаши испытаний в тот день. Жаль, устроиться поспать в окружении еще недавно враждебных визов — не самая безопасная идея. Разумеется, Ююо продемонстрировал благожелательность в отношении людей-визитеров, но продиктована она была, скорее, смущением перед их умопомрачительными волшебными навыками. И почему бы визам не предпринять попытки нападения на троицу во время сна? От Брента как от часового толку никакого, а Ульрих мог и не справиться, навалились на него орава квалифицированных колдунов. В связи с чем Эдвин прибег к заклинанию, почерпнутому из энергии будильника кота-Баюна. С помощью артефакта юно-

ша научился не только усыплять кого-либо, но и, наоборот, ненадолго продлевать период бодрствования. У полезного фокуса, правда, имелся неприятный побочный эффект: когда чары рассеивались, объект их воздействия практически мгновенно валился с ног и потом дрых сутки, а то и больше, напролет. Да, в основе магии лежит равновесие. Если где-то что-то прибавляется, то при этом обязательно где-то что-то и убавляется. Рано или поздно эфирное поле выставит тебе счет за пользование волшебством. Решил не спать сейчас — значит позже вырубись основательно, причем на продолжительный срок. Нолан в шутку окрестил такое положение вещей магическим кредитованием. Справедливости ради, оно, по мнению журналиста, гораздо честнее ипотечного — проценты куда как ниже.

Временно взбодрившись, друзья попросили услужливую Иеа показать им обитель Аоо. Девушка-виз сопровождала людей к подъемнику, соединенному с жилыми отсеками. Множество отдельных квартирок складывались в широкую разветвленную систему прорытых под поверхностью планеты тоннелей. По пути Алира заприметила двух ребятишек, игравших на кое-как втиснутой в узкий коридор детской площадке. Маленький мальчик-виз с восхищением наблюдал за вычерчиваемыми в воздухе девочкой постарше разноцветными огоньками, принимавшими то форму лошадки, то мамонтенка, то забавного вислоуха. Каждое новое превращение непременно сопровождалось очередным взрывом ис-

кренного веселого смеха мальчугана — единственного, зато максимально благодарного зрителя сего импровизированного представления.

«Какая прелесть! — подумалось Алире. — И кто тут злобный враг? Эти детки?.. Годами сильные мира сего старались вбить клин между людьми и визами. Зуб даю, Ордос с Каосом тоже подбросили немало дров, стремясь разжечь пламя вражды между нашими расами. Ненависть проистекает из идеологии, идеология — из идей, а идеи — всего лишь слова... Иногда стоит перестать слушать чужие бредни и просто взглянуть на реальность собственными глазами. Как знать, может, ты узришь вместо пышущего гневом смертельного соперника... пару очаровательных малюток».

К разочарованию троицы, апартаменты Аоо немного поведали об их владельце. Обстановка в тесной квартире ничем не выделялась. Крохотная комнатка с кроватью, раскладным письменным столиком и висящей на стене акварелью, санузел, встроенный шкаф — вот и весь интерьер. Чистенько, аккуратно. Даже, пожалуй, чересчур. Складывалось впечатление, будто бы здесь по-настоящему и не жил никто.

— Нарочитая показушность, — констатировала Алира. — Подходящий дом для фальшивой личности. Едва ли мы найдем под половицей тайник с секретными документами или планами по уничтожению Земли-Матери. Хаос! У него и половиц-то нет!

На всякий случай Нолан сфотографировал внутреннее

убранство апартаментов сына Универсума на умнофон. Когда с осмотром было покончено, Иеа оповестила гостей о завершении совещания визов. Сама она там не присутствовала по объективной причине — девушка не достигла пока совершеннолетнего возраста, составляющего у ее народа двадцать пять лет.

— Мы посоветовались, — чуть позже объявил людям Ююо, — и сошлись на следующем. Так как на вас отсутствуют опознавательные знаки какого бы то ни было государства, плюс вы в несвойственной человеческой расе манере прилично сведущи в магии и выполняете заслуживающую одобрения миссию по спасению всего живого на Земле-Матери, то вам как частным персонам, не связанным с тем или иным правительством со спутника, позволяется беспрепятственно покинуть станцию при условии дачи устного обещания не разглашать информацию о нашем местоположении на Гиганте. Доктора Дэмьена мы также намерены освободить, однако в целях предосторожности у космонавта Конфедерации будут стерты воспоминания о днях пребывания у нас.

— В смысле стерты?! — изумился Нолан.

— Посредством магии памяти, конечно! — разъяснил виз. — Не бойтесь, у нас есть специалисты в данной области. Они удалят нужный фрагмент, не причинив вреда нормальной мозговой деятельности доктора Дэмьена.

— Процедура точно безопасна? — уточнил журналист.

— Как удаление аппендикса!

— Я бы не назвал операцию по удалению аппендикса синонимом безопасности...

— Ну, мы приложим все усилия, дабы свести риск к минимуму. Иного выхода я все равно не вижу, простите. Мы сотрем доктору память, наполним его кислородный баллон и незаметно доставим поближе к базе «Фронитир-1». У колонистов непременно возникнут вопросы о том, где их коллега пропал и как ему удалось выжить одному в пустыне, но он не сумеет на них внятно ответить, тем самым еще на какое-то время избавив нас от нужды раскрываться. В любом случае однажды нашу станцию обнаружат, однако мы хотим оттянуть наступление этого момента. Люди пока не готовы... И мы тоже...

Эдвин из сугубо практического интереса пожелал присутствовать при удалении части воспоминаний доктора Дэмьена. Юноша пристально следил за манипуляциями, проделываемыми над головой космонавта пожилым седовласым визом. Память — материя тонкая. Прежде чем самому браться за аналогичные эксперименты, лучше сначала поучиться у опытного мастера. В итоге процедура прошла успешно, а Эдвин здорово пополнил багаж знаний об эфирном воздействии на людской разум.

Параллельно Алира с Ноланом поспрашивали у визов, наиболее близко общавшихся с Аоо, о характере и привычках замаскированного Каоса. Тихий, спокойный, обязательный, в меру отзывчивый — говорили все о соседе. К нему

всегда можно было обратиться за советом. Обладал редким даром ненавязчивого убеждения. Частенько употреблял выражение: «Дело ваше, да я бы поступил вот так». В поведении Лжеаоо Алира распознала уловки опытного манипулятора. В первоградском высшем обществе тоже отыщется несколько субъектов подобного сорта. Они внешне, казалось бы, совершенно непримечательны, но в действительности за просто подчиняют окружающих своей воле, а те ни о чем и не подозревают. Составив примерный психологический портрет сына Универсума, Команда Чаши собралась возвращаться на станцию «Азу» — к исправным космическим лифтам.

— Вы ступаете по неизведанной тропе, — на прощание напутствовал Ююо. — Ваш противник могущественен и коварен, а с собственной мощью вам еще предстоит совладать. Удачи!

— *Аиоу*, — поблагодарил Эдвин.

— И все-таки над произношением вам, молодой человек, стоит поработать... *Яа Иоио ыз еоеоо!*

Лишь забравшись в гигантоход, Алира поинтересовалась у юноши по поводу перевода последней реплики господина Ююо.

— Он сказал: «Да пребудет с людьми (то бишь с нами) Источник», — поведал Эдвин. — Старинное визское выражение, употребляемое, по-видимому, независимо от фактической досягаемости самого Источника, расположенного в тысячах и тысячах верст от Гиганта. Они и спустя сто один

год так же сильно привязаны к дому...

Периодически содрогаясь на ухабах бездорожья планеты, приключенцы накидали план дальнейших действий: добраться до спутника, бросить оружие и экипировку в подземном ангаре под присмотром Джаггера, первым рейсом вылететь в Люциус, проникнуть на склад, сигануть в мусоропровод, попасть в пространственно-временной переход и побеседовать с Землей-Матерью об избавлении мира от Ордоса с Каосом. Нормальный план? Да вообще отличный! Только кое-кто вознамерился внести в него малюсенькие корректировки в сторону упрощения. Сразу по приземлении в Драке перед друзьями внезапно раскрылся портал.

— Прыгайте скорее! — призвал голос Земли-Матери, доносившийся из разрыва. — Андроида тоже берите. Живо, живо, живо! Энергия быстро расходуется!

Всей гурьбой Команда Чаши ринулась навстречу обрамленной голубым сиянием сфере. Миг — и люди с роботом уже стояли посреди поляны, уставившись на переливающийся радужными красками столб.

— Вы вернулись живыми, — отметила Земля-Мать. — Я уловила ваше присутствие на спутнике и, потратив кучу ресурсов, немедленно сотворила портал. Чувствую, вы столкнулись с... непредвиденными обстоятельствами. Выкладывайте: что стряслось на Гиганте?

Эдвин подробно поведал искусственному интеллекту о событиях на планете и за ее пределами (читай: о визите ко

мне во Вселенную-Ноль). Столб внимал молча и не перебивал, а когда повествование подошло к концу, Земля-Мать прокомментировала услышанное:

— Про эволюцию детей Земли я знала, но посчитала правильным предоставить вам шанс убедиться лично. О мирных побуждениях визов вывести стабилизатор на орбиту я могла только догадываться. Появление Каоса — неожиданность для меня. А концепция Мультивселенной, откуда истории стекаются в странное место, населенное так называемыми летописцами, звучит крайне занимательно.

— И? — нетерпеливо встряла Алира.

— Спасибо за сотрудничество. До свидания. Успехов вам в будущих начинаниях!

И столб затих. С минуту люди растерянно взирали на переставший сверкать монумент.

— Какого!.. — едва не выругалась девушка.

— Шутка, — словно бы выйдя из спящего режима, успокоила ее Земля-Мать. — Чтобы лучше понять разумных существ, я изучаю основы юмора. Вот и захотелось вас разыграть...

— Получилось не очень, — нахмурившись, пробурчала Алира.

— Не обращайтесь внимания на замечание юной госпожи, — посоветовал столбу Брент. — Я давно заметил: органическим существам тяжело дается тонкий двоичный юмор. Мне ваша шутка понравилась. И хотя ей не удалось заставить ме-

ня с оптимизмом взглянуть на будущее, но на долю секунды (точнее, на одну шестнадцатую) мир показался чуть менее паршивым.

— О, неужели в ваши ряды затесался кто-то действительно понимающий, как все устроено! — делано порадовалась Земля-Мать. — Ведь каким бы страшным ни представлялось грядущее, важно уметь насладиться текущим моментом. По-моему, этот андроид служит прекрасным примером бесконечного жизнелюбия.

— Брент?! — изумился Нолан. — Жизнелюбия?! А... дошло! Очередная хохма, да?

— Вовсе нет. Я искренне уверена, что надо неимоверно любить жизнь, дабы продолжать функционировать, зная, сколь бессмысленна борьба за существование в масштабе Вселенной. В противостоянии с детьми Универсума вам подобное стремление к поддержанию жизни назло бренности бытия очень пригодится.

— Выходит, вы нам все-таки поможете? — спросила Алира.

— Разумеется. Мы с вами плывем в одной лодке. Ордос и Каос в равной степени угрожают и мне, и вам. Признаться, мои расчеты по поводу надвигающейся катастрофы были не совсем точными. Они базировались на косвенных данных о наличии на Гиганте древней машины, теоретически способной уничтожить мир, а также на умозаключении о вероятном переселении визов на планету. Дату конца света, обо-

значенную ориентировочно 406 годом Эры Порядка, я вычислила математически, исходя из предполагаемой скорости освоения визами древних технологий, тенденции к увеличению энтропии в начале V века, долетавших до спутника отголосков эфирных возмущений на Гиганте... и трехсот шестидесяти шести иных параметров.

— Так вы определили дату катастрофы лишь приблизительно?! — не поверил собственным ушам журналист. — Мы-то думали, инфа стопроцентная, потому и ринулись мир спасать...

— Я определила ее максимально приближенно к реальности, — поправила Земля-Мать.

— Но вы ошиблись! — возмутился Эдвин. — Вы-то полагали, якобы визы на планете злые, а они вполне мирные. Людей они не жалуют, однако и не ненавидят.

— Пускай. Зато я верно рассчитала опасность, создаваемую эфирным стабилизатором, попавшим в неумелые руки. Поймите, злые визы или добрые, они не специалисты в вопросах сложносконструированных механизмов. Машину надлежало вывести из строя при любом раскладе. Я, кстати, всячески подталкивала вас пощадить несчастных обитателей Гиганта.

— Кхм, — с намеком кашлянула Алира. — Вы, помнится, ратовали за их тотальный геноцид...

— Ага. И попутно пробудила в вас острую неприязнь к данной идее. Старый трюк с реверсивной психологией.

— А я догадался, — похвастался Эдвин, не получив, впрочем, в ответ никакого одобрения.

— Теперь же с учетом новых сведений, — перешла к главному Земля-Мать, — я делаю неутешительный вывод: наш мир будет уничтожен. Может, не через год и не через два. Может, только через сто или даже тысячу лет, но так или иначе печальный финал практически неизбежен. Вы отлично постарались, отсрочив катастрофу. К сожалению, Ордос и Каос вряд ли оставят спутник в покое. А повелитель хаоса после унижительной неудачи на планете наверняка жаждет взять реванш и ни перед чем не остановится. Вы должны избавиться от обоих братьев.

— А нельзя ли обойтись только избавлением от Каоса? — предложил Нолан. — Насколько я уловил, именно он страдает тягой к разрушениям. Ордос представляется... меньшим из двух зол.

— В теории — да, — согласился столб. — Тем не менее вообразите, каким мир предстанет, коли повсеместно воцарится абсолютный порядок. Полнейшая предсказуемость, игнорирование реальных потребностей народа в угоду навязываемому сверху образу жизни, устранение свободы и слова, и мысли, обязанность каждого гражданина неукоснительно выполнять четкие предписания руководства, отмена частной собственности, единая не подвергаемая сомнению идеология, подавление эмоций, принудительная уравниловка, строгое дозирование либо упразднение увеселительных

мероприятий, культурная стагнация, плавно перетекающая в деградацию, массовое обольванивание населения... Вас лично устроит такое общество?

— Да и сегодня уже некоторые признаки проявляются, — грустно констатировал журналист. — Нет, мне не по душе описанное вами. Господину Эдвину и госпоже Алире, наверно, тоже. И вам о том прекрасно известно. Вы же нас хорошо изучили, отбирая для выполнения задания.

— Не без того. Что ж, ни абсолютный порядок, ни безудержный хаос никому из нас не улыбаются. Значит, придется Ордосу с Каосом потесниться. А лучше — навсегда покинуть наш мир. У меня имеется пара-тройка мыслей, как устроить им достойные проводы. Остается восполнить редкие пробелы в познаниях... Расскажите мне еще раз про Каоса, не упуская ни малейших деталей. Меня интересует все: внешность, повадки, черты характера, тембр голоса, используемая магия, запах... Сосредоточьтесь, пожалуйста.

Обсуждение длилось долго. Не будь пространственно-временной переход наспех перелопаченным из материалов недостроенного участка Вселенной местом, где весьма своеобразно применялись законы физики, то мы бы с вами наблюдали медленно уплывающее за горизонт солнце и включение на темнеющем небосводе тысяч звездных лампочек, пока Алира, Эдвин, Нолан, Ульрих и Brent делились с говорящим столбом добытыми на планете крупными порциями информации. Заслушав устный рассказ и изучив сделан-

ные журналистом фотографии квартиры Аоо, Земля-Мать попросила позволить ей провести ряд сложнейших вычислений. Команда Чаши приготовилась ждать. Эдвин даже подумывал прилечь на травке и вздремнуть чуток, ибо эффект бодрящего заклинания понемногу рассеивался, сменяясь периодически накатывающими приступами сонливости. Но спустя удивительно короткие десять секунд Земля-Мать поставила крест на мечтах молодого человека об отдыхе, вынеся вердикт:

— Готово. Ваши ценнейшие сведения обработаны и положены в основание протянутой мною новой логической цепочки, ведущей к определению конкретной роли сына Универсума по имени Каос в истории мира за последние миллион лет. Сопоставив на первый взгляд незначительные данные, я собрала по микроскопическим кусочкам достаточно объемный поведенческий портрет, наложила его на всех когда-либо живших людей, визов, лесовиков или марси и получила двести пятьдесят восемь совпадений.

— Круто! — восхитился Нолан. — Прямо как в полицейском сериале.

— Двести пятьдесят восемь, — повторил искусственный интеллект, — столько вымышленных персон мне удалось установить. Сюда входят философы, писатели, певцы, редакторы газет, штабные офицеры, политические консультанты, псевдопророки. И еще затесался один коммивояжер...

— Зло тянет к злу, — прокомментировал журналист.

— Отныне личность Каоса перестала быть для меня секретом, — объявила Земля-Мать. — А выведя на чистую воду повелителя хаоса, уже и до властителя порядка недалеко. Братья встречались друг с другом сравнительно редко. За минувшие три столетия мною однозначно зафиксировано всего два подобных контакта. Первый — в Трипе в 105 году, второй — в Алом Дворце в 261. Однако, несмотря на малое количество пересечений, мне этого оказалось достаточно для формирования поведенческого портрета теперь уже Ордоса и выявления созданных сим отпрыском Универсума ста девяноста пяти вымышленных персон. И у меня хорошие новости: похоже, я знаю, где Ордос скрывается сейчас. С вероятностью 83,625 процента он засел в глубине ледников Северного полюса — это единственное место на спутнике, которое из-за помех в эфирном фоне располагается вне поля моего зрения, а больше Ордосу прятаться попросту негде, притом что в настоящее время он точно пребывает в нашем мире, так как я чувствую характерные колебания магических потоков. Но прежде чем отправляться на Север, воспользуемся рекомендацией вашего знакомого летописца Декстера и попытаемся предварительно ослабить противника, подорвав веру народа в Порядок.

— Звучит странно и... немного жутковато, — молвила Алира. — Хотя выбора у нас нет. И как же нам пошатнуть систему ценностей, насаждавшуюся столетиями?

— Нанести удар по источнику распространения идей, —

заявил Нолан.

— Вы о Церкви Порядка? — уточнил Эдвин.

— Нет, — ответил журналист. — В 405 году Церковь не обладает столь огромным влиянием, как в вашем времени. Она превратилась в предприятие, специализирующееся на выпуске и продаже сувенирных изделий. Нужны фирменные свечки? Пожалуйста! Футболка с портретом Магистра Селвика I? Любые цвета и размеры в ассортименте! Подарочное издание книги Амокла «О Порядке и хаосе»? О, вам повезло! На нее сейчас действует двадцатипроцентная скидка! Налетай, куда не разобрали! Клирики больше не развязывают войн, не свергают правительства и, за редкими исключениями, никого не преследуют за ересь. Надо копать глубже. Миром правят деньги. Тот, кто контролирует финансовые потоки, контролирует и население. Возможно, у руля находится организация, именуемая Советом директоров, а главный кукловод — некий, вернее некая, Намус. Косвенно мою гипотезу подтвердил Хаос, когда предположил, будто мы работаем на нее. То есть Намус достаточно могущественна, чтобы бросить вызов самому повелителю хаоса, и она наверняка как-то связана с властителем порядка.

— Отлично, — одобрила Земля-Мать, — найдите ее и постарайтесь... обезвредить. Это даст необходимое преимущество в схватке с Ордосом. Он утратит часть силы и станет уязвим по меньшей мере к сфокусированной атаке всех двенадцати балансиров. Будучи изначально бесформенны-

ми энергетическими сущностями, дети Универсума для взаимодействия с осязаемым миром нуждаются в материальной оболочке. По схожей схеме устроены и стражи равновесия. Что вам известно о свойствах их оболочек?

— Немало, — припомнил Эдвин. — В частности, Рыба-кит говорил о проблемах привязанности балансира к оболочке. Причинив внешней форме серьезный ущерб, реально убить стража.

— Правильно. Скорее всего, убить Ордоса у вас не выйдет, но послать его в нокдаун вполне осуществимо. Обездвижив врага, призовите на помощь Крона с Гравитоном. Они сумеют сотворить пространственно-временной разлом и переместить пришельца в зону за пределами Вселенной.

— Туда, «где не существует ничего и одновременно с тем возможно абсолютно все», — процитировал юноша. — Вы планируете выкинуть Ордоса в недостроенный участок Вселенной?

— И навечно там запереть, — добавила Земля-Мать. — Альтернатив я не вижу. Дети Универсума привыкли паразитировать на уже готовых мирах, посмотрим, как самозванные боги справятся с бесконечным ничем. Я вот из него сделала парящий в небытии островок. Главное — в межвселенном пространстве Ордос никому не причинит вреда. И Каос тоже. Когда расправитесь с одним братом, вам придется повторить процедуру со вторым. К сожалению, пока не берусь сказать, где найти Каоса — я почему-то не улавливаю его

присутствия в нашем мире. Наверно, остался на Гиганте... Ладно. Решаем проблемы поэтапно. Ваша текущая задача — выйти на след Намус и Совета директоров.

— Мне как раз должны позвонить по этому поводу, — сообщил Нолан.

— Хорошо. Дожидайтесь звонка и отдыхайте. Вы славно потрудились: слетали на планету, подрались с Каосом, отсрочили конец света, покинули Вселенную и умудрились вернуться обратно. Недурно для одного дня.

— Я щас сдохну... — устало прошептал Эдвин, с превеликим удовольствием променявший бы похвалу на одеяло и подушку.

— Угодно вам отправиться в Драк или в Люциус? — предложила на выбор Земля-Мать.

— Я был бы не против заскочить домой, — изъявил желание Нолан. — Заодно проведал бы Оуэна... Никто не возражает? Нет? Прекрасно!

— Я открою вам портал, ведущий прямиком в вашу квартиру, — обрадовал искусственный интеллект.

— А почему вы раньше так не поступали? — недоумевал журналист. — Избавили бы нас от обязанности всякий раз посещать мусоропровод...

— Сугубо из соображений экономии энергии. К чему необоснованно расходовать запасы? Сейчас же я поступаю из соображений экономии ваших сил. Секунду...

Рядом с нашими друзьями образовался разрыв, за кото-

рым угадывались очертания нолановской гостиной. Путники, попрощавшись со столбом, запрыгнули в портал и мгновенно очутились в квартире журналиста. Нолан перво-наперво вылез из скафандра и побежал в ванную принимать душ. Ульрих с Кими уединились на кухне. Брент пошел гулять (рискну предположить, он вознамерился применить метод майевтики и подоставать философскими беседами бедных прохожих, случайно встречающих андроида на улице). Алира с Эдвином остались в комнате вдвоем.

«Отличная возможность исправить прошлую ошибку», — мелькнуло у юноши в голове.

— Алира, — подавив зевок, обратился он к девушке. — Мы тут с вами давеча разговаривали. И я, в общем, хотел за кое-что извиниться и кое-что прояснить... Вы позволите?

— Да, конечно. Я и сама не против... кое-что прояснить.

— Я... хотел вам сказать...

— Да?

— Я...

— Эдвин?..

— Я... хр-р-р...

Юноша отключился буквально на полуслове. Хорошо хоть они с Алирой сидели на диване, и Эдвину не пришлось падать на жесткий пол. Девушка сочувственно поглядела на парня, проигравшего неравный бой с невероятной усталостью и пресловутым побочным эффектом бодрящей магии.

— Вот блин, — произнесла Алира, а потом, не мудрствуя

лукаво, последовала примеру собеседника: широко зевнула, прикрыла глаза и погрузилась в сон. Покинувший душ Нолан застал юных друзей сладко дремлющими вместе на одном диване. Умилившись, журналист извлек из тумбочки плед и заботливо укрыл им молодых людей.

— Спите, ребятки, — прошептал Нолан, перед тем как выйти на лестничную площадку. Там он на умнофоне набрал номер Оуэна. Переживавший за судьбу родителя сын искренне обрадовался звонку, от чего на сердце отца ощути-мо потеплело.

— Как... твоя поездка? — поинтересовался Оуэн.

— Ну-у... в будущем году катастрофы не произойдет... Но, чтобы наверняка обезопасить мир, мне придется бросить вызов двум бессмертным полубогам. И не просто бросить, а еще и обязательно победить. Прости, я обещал, мол, путешествие на Гигант станет финальной авантюрой...

— Ты сувениры-то привез? — попытался обратить в шутку печальные известия сын.

— Целую коробку с редчайшими эфирными кристаллами! — похвастался отец. — У тебя-то все нормально?

— Ага. Сегодня сдал последний экзамен.

— И как?

— Отлично.

— Здорово! Поздравляю! Чем на каникулах думаешь заняться?

— Э-э... имеется мыслишка... Мне тут приятель предло-

жил... Короче, мы будем делать комикс. Приятель — рисовать, а я — сочинять сценарий.

— Класс! Идеи для сюжета уже есть?

— Так... наметки...

— Разрешаю взять за основу рассказ о моих приключениях.

— Ну нет! — рассмеялся Оуэн. — Они *слишком* фантастические! Мы подыскиваем нечто... в более реалистичной манере и, может быть, в такой... мрачноватой эстетике.

— Реалистичное и мрачноватое?.. Хм... А присмотришься к истории Черного Цилиндра! Она абсолютно достоверна, и центральная фигура в ней — сотрудник полиции, в свободное от работы время выбивающий дурь из преступников, до коих не дотянулась рука правосудия.

— Черный Цилиндр, да?

— Введи в поисковике — найдешь страничку, посвященную некоему инспектору Джему. Антураж подходящий: Первоград, середина III века.

— Эпоха поздней Империи? — заинтересовался сын. — Звучит заманчиво. Спасибо за наводку!

— Ой, извини, — смутился Нолан, почувствовав вибрацию в кармане брюк. — Мне тут звонят по другому телефону...

— Ничего. Пока... пап.

— Пока, — проговорил журналист и тут же поднес к уху дешевый мобильник, полученный в дар от суперзвезды-в-бе-

гах Дастина. — Алло.

— Завтра в одиннадцать часов в парке «Жизель» у памятника нищему, — отчетливо произнес знакомый Нолану хриплый голос.

— Хаос меня подери! Ты и вправду...

— Тише. Не по телефону. Все вопросы — при встрече. Лады?

— Лады. Завтра в одиннадцать. Парк «Жизель». Памятник нищему. Принято.

— На всякий пожарный выброси батарею и симку. Все. Конец связи.

«А вот и дернулась ниточка, тянущаяся к Намус, — отметил про себя журналист. — Хорошо, Ныка: завтра так завтра... А сейчас... сейчас че-то спать безумно хочется...»

Глава 3. Точка схождения

Кулер проснулся в девять — чудовищно рано по его же личным меркам. Но сегодня был особый день. И дело даже не в том, что весь город отмечал праздник — тут просто совпало. В действительности же когда-то давно хакер обязал себя в определенное число каждого месяца выходить на длительную прогулку с фотоаппаратом. От компьютера молодой человек отрывался нечасто, а старое хобби требовало хотя бы минимального внимания, да и сноровку терять не хотелось, поэтому Кулер и решил установить специальные дни для вылазки на улицу и поиска удачных кадров.

Плотно позавтракав и покинув апартаменты, компьютерщик побрел в направлении высотных стеклянных зданий близлежащего офисного комплекса. Под правильным углом сверкающие в лучах летнего солнца башни, отражаясь друг в друге, формировали любопытную композицию. Кулер вытащил камеру из заплечной сумки и принялся подыскивать наиболее эффектный ракурс. Избрав точку, где подвешенный на столбе светофор создавал неплохой передний план, хакер-фотограф приготовился сделать щелчок...

— Подождите еще минут пятнадцать-двадцать, — услышал он за спиной совет. — Солнце чуть-чуть поднимется, и картинка станет куда как ярче.

— Ага, — буркнул Кулер, не выносящий, когда разного

рода любители лезли к нему с рекомендациями. Спорить с такими людьми совершенно бесполезное занятие. Коротко отвечай им: «Ага» — и дальше поступай по-своему. То есть ты вроде как и соглашаешься с ними, и одновременно полностью их игнорируешь. Подобный способ общения компьютерщик частенько применял в повседневной жизни, особенно беседуя с начальством. Занимая в течение вот уже полугода должность системного администратора в торговой компании, Кулер привык быть единственным живым существом, точно знающим, каким образом у них в фирме все устроено с технической точки зрения. Стремясь появляться на работе как можно реже (желание, понятное всякому занятому человеку), он приложил максимум усилий с целью соорудить надежную систему, которая могла бы рухнуть исключительно в условиях конца света. К несчастью, сотворенный шедевр не избавил находчивого сисадмина от невыносимой участи постоянно получать звонки из офиса с мольбами о помощи. «Все пропало! Приезжайте скорее!» — раздавались крики отчаяния в наушниках Кулера. Обычно он спокойно отвечал: «Перезагрузите компьютер». И в девяноста процентах случаев это помогало. На втором месте по популярности среди инструментов по устранению неполадок оказывалась проверка подсоединения кабеля к розетке. В общем, связываясь с непрофессионалами, важно уметь сохранять терпение. И когда твой не разбирающийся в информационных технологиях непосредственный руководитель просит тебя сделать

нечто, а ты понимаешь, о какой несусветной бредятине он реально толкует, остается лишь... Правильно! Сказать «ага» и проигнорировать.

— Простите за назойливость, — вновь обратился «голос-из-за-спины», — я хотел бы с вами побеседовать.

— Ага? — насторожился Кулер.

— Вопрос касается гибели инженера Понти.

Настороженность хакера сменилась тревогой. Никто, кроме Нолана и госпожи Катрины, не имел понятия о причастности Кулера к расследованию. Компьютерщик резко обернулся и увидел громадную, ростом примерно с него самого, бритоголовую фигуру, одетую в легкий белый костюм. Кулер мгновенно опознал стоящего перед ним человека, так как помнил того по видео, снятому журналистом на складе. Здоровяка звали господином Бирюзовым, и он работал на тайную организацию, напрямую связанную с заговором по масштабному внедрению процессора «Атом».

— Я... эт... пойду, пожалуй, — неуверенно пролепетал хакер, медленно убирая фотоаппарат в сумку.

— Не спешите, господин Кулер. Я располагаю ценной информацией...

— Ага...

— ...и непременно поделюсь ею с вами...

— Ага...

— ...в обмен на сотрудничество...

— Ага...

— Вы меня слушаете, господин Кулер? — усомнился бритоголовый бугай.

— М-м... Ага.

— У нас с вами одна цель — предать огласке деятельность группы граждан, именуемых в узких кругах членами Совета директоров.

Исчерпав запас «ага», хакер ограничился молчанием.

— Не бойтесь, вам я зла не причиню, — заверил здоровяк.
— Присядем на скамейку?

Неподалеку располагалась лавочка. С нее открывался чудный вид на поблескивающие небоскребы. Кулер не отказался бы запечатлеть постиндустриальную панораму, да от волнения у него руки словно онемели.

«Меня убьют, — соображал он, — точно так убьют. Печалька...»

— Я вас убивать не собираюсь, — будто бы прочитав мысли хакера, заявил амбал. — В настоящий момент я действую самостоятельно, и о нашей с вами встрече Совету директоров неизвестно. Строго говоря, и мне-то на вас выйти позволила чистая случайность. Мой компаньон отправился на остров Здравия добыть кое-какие сведения, но был опережен господином Ноланом — журналистом из «Люциуса сегодня» и по совместительству вашим знакомым. Так я обратил внимание и на господина Нолана, и попутно на круг его общения, в том числе на вас. Ваша безусловно высокая квалификация в компьютерной сфере как-то автоматически

сопоставилась в моей голове с недавней хакерской атакой на сервис корпорации «Тогор Энтерпрайз». Компания, пусть и неочевидным образом, является аффилированным юридическим лицом по отношению к «СтанКорп», владеющей заводом, где работал инженер Понти, с вдовой которого, судя по телефонным звонкам, неоднократно контактировали господин Нолан и вы. Из чего напрашивается вполне логичный вывод: вы с господином Ноланом ведете расследование смерти господина Понти и сумели — на зависть любому профессиональному сыщику — продвинуться достаточно далеко, раз заинтересовались «Тогор Энтерпрайз» и танцовщицей Дорой. На ваше счастье, Охотники на фазанов, получившие приказ найти и устранить посягнувшего на сервер «Тогор» хакера, не в курсе причастности господина Нолана к делу, а следовательно, о вашей роли они тоже не знают. По крайней мере, пока. Скажете что-нибудь? Нет? Молчите. Умно. Я б на вашем месте избрал схожую тактику. Позвольте же тогда мне продолжить. Танцовщица Дора передала господину Нолану шкатулку со спрятанной флешкой. Не нужно обладать великим умом, дабы предположить, что затем журналист передал носитель с наверняка закодированными данными в руки того, кто разбирается в цифровых шифрах, то есть в ваши.

Лицо Кулера оставалось абсолютно непроницаемым. Он ни звуком, ни жестом, ни взглядом ничегошеньки не опроверг, но и не подтвердил.

— Я бы поостерегся играть с вами в пятку, господин Ку-

лер, — оценил выдержку собеседника здоровяк. — Нервы у вас стальные. Мне импонирует ваш стиль. Вы мне не доверяете и поступаете совершенно правильно. Я, очевидно, должен первым пойти на откровенность. Меня зовут господин Бирюзовый. Естественно, это ненастоящее имя, а всего лишь оперативный псевдоним. Родители меня нарекли Гарландом. Указанных сведений уже хватит, чтобы серьезно осложнить мне жизнь, тем не менее я открыто делюсь ими с вами в расчете на некую взаимность. Предлагаю временно объединить наши усилия. Я собираю группу, способную противостоять Совету директоров, Охотникам на фазанов, «Тогор Энтерпрайз» и особенно персоне, скрывающейся под именем Намус. Моей команде пригодится человек ваших талантов. Вы согласны? Опять молчите... Понимаю. Вы думаете, я планирую воспользоваться вами исключительно с намерением завладеть флешкой. Опытный Охотник именно так бы и поступил. Однако я теперь, скорее, фазан, мечтающий отомстить за убитого товарища. Последние пять месяцев мне приходится балансировать на лезвии ножа. Стоит малость оступиться, и всему конец. Посему я старательно ищу поддержки. Двое ко мне уже присоединились. Надеюсь, и вы с господином Ноланом вольетесь в наш коллектив. Между прочим, я не требую от вас сиюминутного ответа. Можете подождать звонка от вашего друга.

Кулер вопросительно приподнял левую бровь.

— Мой компаньон сейчас встречается с господином Но-

ланом, — пояснил Бирюзовый. — Они обсуждают то же самое предложение...

Парк «Жизель». Впечатляющий многоуровневый архитектурный комплекс, раскинувшийся в центре Люциуса. Вычурные сады, огромные и функционирующие круглый год фонтаны, искусственные пруды, игровые площадки, извилистые дорожки, вымощенные причудливой разноцветной мозаикой, оригинальные скульптуры, эскалаторы, удачно стилизованные под каменные лесенки, уютные беседки, детские аттракционы, миниатюрные водопады, а также разветвленная система каналов, позволяющая совершить лодочный круиз на фоне здешних пейзажей, — по прихоти дизайнеров-проектировщиков все это переплеталось в единый неповторимый ансамбль, отчетливо выделявшийся зеленым пятном среди сверхтехнологичных городских построек. Парк считался эдаким универсальным местом для отдыха. Если, к примеру, молодой человек не знал, куда пригласить девушку на свидание, то он мог, не сильно напрягая воображение, сводить ее сюда. А потом сводить опять. И опять. И опять... Благо размер и разнообразие парка превращали каждое последующее посещение в новое незабываемое приключение. Пожалуй, только господин Дауиг, руководивший работами по строительству комплекса, был осведомлен обо всех имевшихся тут потайных лазейках и укромных уголках. О чем говорить, коли потрясающей красоты скрытый участок с по-

стоянно поддерживаемой в нем желто-красной осенью, обнаружили лишь спустя десять лет после открытия парка! Любопытно, что сотворивший едва ли не идеальные условия для знакомств и свиданий архитектор так и не снискал счастья в личной жизни. Дауиг был безнадежно влюблен в женщину по имени Жизель (а как же еще могли ее звать?). Увы, дама сердца не отвечала ему взаимностью, и однажды Дауиг пообещал ей возвести нечто совершенно потрясающее и нарек в ее честь. Мужчины частенько ради возлюбленных готовы выпендриться любым, даже (или особенно?) абсолютно невероятным способом. Шли годы, госпожа Жизель успела выскочить замуж за обеспеченного банкира, а живущий за счет богатых спонсоров архитектор, отказываясь признавать поражение, продолжал день и ночь корпеть над своим шедевром (парк-то и впрямь здоровенный!). Увлечшись погоней за несбыточной мечтой, Дауиг перестал замечать кого-либо вокруг. Ему бы махнуть рукой на недостижимую Жизель и посмотреть по сторонам, авось и подыскал бы себе другую невесту. В густонаселенном Люциусе стоило серьезно постараться, дабы, просто бредя по улице, не наткнуться на десяток действительно красивых и умных девушек. Однако Дауиг, с головой погрузившись в работу над парком, упустил массу отличных возможностей, а к моменту, когда состоялось торжественное открытие комплекса, архитектор окончательно утратил интерес к общению с людьми. Эскизы, чертежи и макеты полностью завладели умом Дауига. Уже

довольно пожилой мужчина подолгу проводил время в своей студии, почти ни с кем не разговаривал, а мимоходом прознав о смерти некогда горячо любимой госпожи Жизель, впал в жуткую депрессию и вскоре сам отошел в мир иной. Сказать по правде, ничего особенного эта госпожа Жизель из себя не представляла. Обычная женщина. В меру симпатичная. Далеко не глупая. Но заслуживала ли она, чтобы ее именем назвали величайшее сооружение в Люциусе? Большинство, наверно, ответило бы: «Много чести». Тем не менее один человек, чье мнение только и имело значение, полагал иначе. А возразить несчастному романтику мне нечем.

Ранее я уже вскользь упомянул об отмечавшемся горожанами празднике. Наиболее явно торжество ощущалось именно на просторах парка. Тысячи жителей наводнили комплекс, отмечая День согласия. Признаться, мало кто из них четко понимал, с кем и, главное, по какому вопросу надлежало соглашаться², поэтому большинство люциусцев вне

² На самом деле День согласия приурочен к годовщине подписания в 316 году до Эры Порядка договора между визами и канторийцами об упрощении взаимной торговли. Историческое значение данного события трудно переоценить сильнее, нежели его переоценили руководящие круги Конфедерации, издавшие указ об официальном провозглашении Дня согласия в качестве выходного. По мнению политиков, праздник символизировал благую идею единения людей и визов, хотя в реальности тот договор носил сугубо формальный характер, закрепляя на бумаге то, что к дате подписания и так существовало на протяжении нескольких столетий. По факту получился праздник ради праздника. В любом случае уж кто-кто, а изготовители поздравительных открыток точно остались довольны и всецело поддержали эту законодательную инициативу.

зависимости от пола, возраста или расы дружно остановились на элементарном согласии весело провести выходной. Воздушные шарики, обилие сахарной ваты, выступление музыкантов на сцене, песни, пляски, народные гуляния и, конечно же, мороженое... Тонны мороженого... Шоколадное, ванильное, фруктовое, с орешками, с изюмом... М-м-м... Кхм-кхм... Простите. Увлёкся. О чем бишь я?.. Ах да! Горожане всю лето наслаждались летом, солнцем и праздником. Люди в основном предпочитали собираться компаниями. Кто постарше — приводили детей, кто помоложе — приходили с друзьями. Лесовики, как правило, держались поближе к столикам с угощениями. Визы традиционно устраивали пикники на насыпанных неподалеку холмиках. Малыши-марси под присмотром родителей задорно плескались в фонтанах.

Нолан чуток завидовал беспечности окружающих. Журналист с удовольствием променял бы бремя спасителя всея Земли-Матери на свидание с той же госпожой Ариэтти... Но вместо приятной прогулки по парку в сопровождении привлекательной сотрудницы отдела новостей культуры Нолану предстояла ожидаемо непростая беседа со старым боевым товарищем, числившимся по документам погибшим. Ныка подобрал для встречи весьма оживленную часть комплекса.

Скульптор, высекавший знаменитый памятник нищему, придал камню вид обезличенной антропоморфной фигуры с протянутой рукой. Монумент символизировал прощание

с тяжким прошлым, когда бедняки заполняли парки, площади и подземные переходы... Увы, с прошлым прощался Люциус, но не другие мегаполисы на спутнике. Автором изначально задумывалось нечто вроде напоминания о давным-давно минувших годах, наполненных нуждой, безработицей и прочими лишениями, а получилась в результате скульптура, призванная в первую очередь потешить самолюбие местных жителей, ведь почти каждый горожанин, уставившись на нее, не предавался гнетущим измышлениям о мрачном прошлом, а радовался, что поселился в отдраенном до блеска Люциусе и не видит грязных канторийский подворотен или темных первоградских притонов. О хорошо знакомых нам жутковатых улицах Драка и заикаться не стоит. Многие принимали монумент за издевку над остальным миром: «Глядите, у нас-то нищие только каменные, а у вас — настоящие. А почему? А потому как Люциус круче всех! А я здесь живу, следовательно, и я тоже круче всех!» Сомнительная заслуга, и все же...

От желающих сфотографироваться с абстрактным бедняком не было отбоя и в обычные дни, а уж в праздник тем паче. Народу столпилась куча. Нолан, медленно прокладывая путь к памятнику сквозь плотный заслон зевак, озирался по сторонам в поисках самого неприметного лесовика. Задача не из легких — вычленив из огромной массы отдыхающих того, кто намеренно старается с ней слиться. К счастью, Нолан прекрасно знал о повадках бывшего сослуживца и о том,

куда именно необходимо смотреть.

«Вижу низкорослого парня в панаме, — анализировал обстановку журналист. — Не, это просто сутулый человек с волосатыми руками. Группа лесовиков... Не канаец: Ныка стопудово будет стоять отдельно. *Кураняма* с серьгой в ухе. И снова нет: слишком бросается в глаза. Так-так-так... А, вот низенький мужичок в серой футболке и синей кепке. Вообще ничем не примечательный. Глазу не за что зацепиться. Эталон невзрачности. Стоит моргнуть, и силуэт растворится в толпе. Похоже, я нашел его...»

И в тот же момент Нолана похлопали сзади по плечу. Ой! Если Ныка — парень в футболке, то...

— Резко не оборачивайся, — посоветовал хриплый голос. — Шаверма уже не та...

— Блин! — аккуратно покосившись на говорившего, бросил одновременно с разочарованием и облегчением журналист. — Я-то сам надеялся угадать...

— Да брось! У тебя и раньше не получалось, а с годами навык ты еще больше подрастерял.

— Но чувак в футболке...

— Ха! Знал, что ты на него подумаешь, и специально пристроился рядом. В парке повсюду развешаны камеры наблюдения, но имеется немало и слепых зон, где можно спокойно поболтать. Пошли за мной. Чур не отставать!

— И когда же, интересно, я от тебя отставал?

— Всегда.

— А, точно...

Нолан проследовал за лесовиком. Вдвоем они по замысловатой траектории пересекли целый океан из прохожих и неведомым журналисту образом очутились у подножья декоративного водопада.

— Не боишься намокнуть? — осведомился провожатый.

— Кажется, на сборах в лагере под Еаюау, дождь непрерывно лил недели две. После той подготовки у меня выработался иммунитет к влаге.

— Помню-помню... Проход за водопадом.

— Ясно... Ладно, полезли...

Приняв незапланированный душ, Нолан с проводником прошествовали вглубь тоннеля. Режим ночного видения на ДР-очках позволял журналисту в отсутствие освещения без опаски ступать по неровной каменистой поверхности. Лесовик, по-видимому, обходился лишь собственным острым зрением. Он без проблем ориентировался в крошечной тьме и быстро привел товарища к люку в полу. Спрыгнув в открытое отверстие, оба свалились на верхушку ледяной горки. Оттуда они плавно скатились вниз, и Нолан с удивлением обнаружил себя в окружении осыпанных снегом елей.

— Поразительно! — не удержался от восторга журналист.

— Здесь спрятан участок с зимним пейзажем! Парк «Жизель» и много лет спустя полон загадок! Круто! Причем воздух теплый, а снег все равно не тает...

— И видеокамер нет, — добавил лесовик. — Теперь мож-

но поговорить нормально.

Нолан воспользовался шансом и заключил однополчанина в крепкие дружеские объятия.

— Хаос тебя раздери! — дав волю эмоциям, воскликнул журналист. — Ныка! Живой!

— Э-э... — замялся суровый лесовик. — И я... рад встрече... Все, Нолан, хорош... Пусти, а то задушишь.

— Десять лет, да?

— Около того.

— Ты совсем не изменился.

— Лесовицкая генетика. Зато ты малость погрузнел. И седины в волосах прибавилось.

— Не спорю... Где ты пропадал, старый пройдоха?

— Долгая история. У нас сейчас заботы поважнее.

— Верно, — поумерив пыл, согласился Нолан. — Совет директоров, Намус...

— Угу.

— Значит, работаешь с Бирюзовым?

— С лысым здоровяком? Да.

— И как тебя угораздило?

— Долгая история.

— Да у тебя, походу, все «долгая история»! Давай, выкладывай начистоту.

Ныка, задумчиво шмыгнув носом и пожав плечами, приступил к длинному рассказу. Около десяти лет назад лесовику выпала возможность поучаствовать в особой программе

армии Конфедерации. Командование формировало экспериментальное подразделение так называемых фантомов — сверхзасекреченных солдат, выполнявших операции повышенной сложности как на вражеской, так и на родной территории. Получился в определенном смысле отряд спецспецназначения. Платили неплохо, однако при вступлении доброволец давал согласие на вычеркивание его имени из всех документов, а плюсом в случае провала задания руководство целиком и полностью отрицало свою причастность к неудавшейся акции и не предпринимало попыток помочь угодившим в беду бойцам. Ныка принял выдвинутые условия. В его досье поставили фиктивную отметку «погиб при исполнении» и направили новобранца на затерянную в дремучих лесах Кантории военную базу, где фантомам организовали штаб-квартиру. Парочка успешно выполненных миссий благоприятно отразилась на увеличении банковского счета лесовика. Жаль, на третий раз удача повернулась к Ныке и его сотоварищам не тем местом, каким хотелось бы. Их группа завалила операцию по вторжении в лагерь предполагаемых террористов. Бесшумная вылазка обернулась жутким побоищем. Ныка еле унес ноги. Потом тщетно пытался связаться с командованием, но, увы, оно придерживалось правила «с глаз долой — из сердца вон». Потерпевший неудачу фантом считался безвозвратно потерянным, и искать его не собирались. Разумеется, программа, построенная на подобном пренебрежительном отношении к солдатам, в скором време-

ни была признана неэффективной, и ее по-быстрому свернули. Ныке, правда, от этого не сделалось ни жарко ни холодно. Он-то остался брошенным. В чужой стране. Без документов. Без денег... Доступ к банковскому счету ему перекрыли. И все-таки, невзирая на невзгоды, лесовик выбрался из передраги. Он всегда выбирался. Есть те, кого убить относительно просто. Есть те, кого убить сложнее. А есть практически неубиваемые индивиды, у которых начальные внутренние настройки инстинкта выживания выкручены на максимум, вследствие чего безмерная тяга к жизни в критической ситуации позволяет ребятам вытащить за волосы самих себя хоть из болота, хоть из зыбучих песков, хоть из лап разъяренного медведя — да откуда угодно. Лесовики по природе отличаются отменной физической выносливостью, а Ныка в придачу был опытейшим ветераном войны³. Раненый, грязный, голодный и обессиленный, он сумел выкарабкаться. Спустя примерно месяц бесцельных скитаний по миру лесовик повстречал на улице человека в деловом костюме и в темных очках. Загадочный мужик обратился к Ныке по имени. Сказал, мол, в курсе дел лесовика и высоко ценит навыки бывших спецназовцев. Предложил халтурку. Хаос знает, кем был тот мужик и как выследил не существующего на бумаге солдата. Но человек посулил щедрую оплату, а Ныка остро нуждался в средствах. Задача заключалась в проникновении

³ Локального конфликта, по официальной версии Правительства Конфедерации.

на охраняемый объект и изъятии материалов, касающихся какой-то перспективной технической разработки. По достижении поставленной цели обе стороны, лесовик и таинственный мужик, признали сотрудничество удачным и сочли за благо заключить новый контракт. С тех пор и понеслось. Ныка превратился из никому не нужного солдата в профессионального наемника, занимавшегося промышленным шпионажем. Ему никогда не раскрывали имен заказчиков, а лишь давали установку и отчисляли крупные денежные суммы за каждую выполненную миссию. И лесовик оставался вполне доволен вплоть до инцидента в «Ясень Электроник», обернувшегося заранее спланированной подставой, позже перетекшей в погоню по дворам и крышам в Великом Канторе. И если б не Бирюзовый...

— То есть он тебя спас? — уточнил Нолан.

— Вроде как.

— Оказался в нужном месте в нужное время... Удобно. И подозрительно достоверно...

— Понимаю, куда ты клонишь. Я сам не из доверчивых. Но по части бугая у меня нет выбора. Либо я ему помогаю, и мы разваливаем Совет директоров, либо рано или поздно меня отыщут и прихлопнут. Честно, мне плевать на глобальную политику, мировые заговоры, злобные мегакорпорации, тотальный контроль над населением, свободу воли и тому подобную лабуду. Мой интерес сугубо личный. Или я, или они. Кто там какие интриги плетет — мне откровенно

по фигу.

— Сугубо личный интерес... — повторил журналист.

— Именно.

— И ради него ты готов разрушить более или менее обес-
печивающую Порядок и стабильность систему? Нет, я не за-
щищаю Совет директоров в их стремлении сохранить и при-
умножить власть. Да и мы с друзьями, в общем-то, не прочь
бросить вызов скрывающимся в тени манипуляторам. Толь-
ко мне не дает покоя мысль: допустимо ли с моральной точ-
ки зрения вот так взять и подорвать фундамент современно-
го общества? Как упразднение Совета отразится на обычных
людях, лесовиках, визах и марси? Не приведут ли наши дей-
ствия к экономическому краху? А может, дойдет и до граж-
данской войны? Оправдывает ли цель средства? Я, напри-
мер, хочу свергнуть кукловодов, дабы добраться до одного...
хм... влиятельного субъекта. По идее, мною движет беско-
рыстный мотив — освободить мир от тирана. А где стопро-
центная уверенность, будто мир без тирана гарантированно
станет лучше? А если народ нуждается в постоянном жест-
ком руководстве? Если по-другому он не умеет и не в силах
будет приспособиться к изменившимся условиям? Я лично
(заметь: опять это «лично») убежден, что способность само-
стоятельно мыслить и самостоятельно же принимать реше-
ния является величайшим даром, коим наделены разумные
существа, и таким даром надлежит дорожить, а не всячески
его притеснять. Но, в конце-то концов, это всего-навсего мое

мнение — мнение отдельно взятого человека. А вдруг оно ошибочно? Тогда свержение Совета директоров и того влиятельного субъекта приведет к еще большей катастрофе. И из-за чего? Из-за ложной веры отдельно взятого человека в идеалы свободы? Получается, мои поступки, как и твои, направлены на реализацию частного интереса, пускай и с маленьким отличием: ты хотя бы не прикрываешься напускной заботой о судьбе мира.

— А вопрос-то в чем? — не уловил Ныка.

— Как в чем? Правильно ли подрывать устои пусть и не идеального, но относительно стабильного общества в угоду частных интересов?

— Пф-ф... — прыснул лесовик. — Нолан, мужик, ты всегда любил потрепаться. И моральные самоистязания тебе отнюдь не в новинку. Вся эта философия — чушь собачья. Я воспользовался упомянутым тобой даром и принял решение. И ты, судя по блеску в твоих глазах, поступил точно так же, причем давно, а сейчас просто хочешь выговориться о наболевшем. Болтай сколько душе угодно. Слова уже ничего не значат. Мы с тобой вышли на тропу войну. Назад пути нет. А мотивы — частные ли, общественные ли — хаос с ними! Мы оба по уши увязли, и неважно, по какой причине. Поэтому предлагаю выбираться вместе. Ты, я, Бирюзовый, тот пацан — Дастин, твой компьютерщик...

— Компьютерщик? — насторожился журналист.

— Ах да... Здоровяк мне с полчаса назад скинул сооб-

щение на мобилу, типа встретился с твоим приятелем-хакером...

— Не втягивайте парня, — предупредил Нолан. — Он тут ни при чем.

— Еще как «при чем»! Нам требуется его поддержка. И флешка господина Коричневого.

— Ясненько... — молвил журналист. — Все в итоге сводится к этой проклятой флешке... Мы уже беседовали на сей счет с Дастином. Предположим, я отдам записи Бирюзовому. Что помешает бугаю прикончить меня в следующую же секунду?

— Вот это, — сказал Ныка, достав из кармана компактную прямоугольную серебристую штуковину.

— Жесткий диск? — опознал предмет Нолан.

— Он содержит все данные на Бирюзового. От и до. Здоровяк сыграл ва-банк и собрал сам на себя подробнейший компромат. Ежели дела пойдут скверно, ты, задействовав свои журналистские связи, получишь шанс обнародовать сверхсекретные сведения о Бирюзовом. А там полно всякой грязи. Здоровяка, конечно же, незамедлительно ликвидируют, да и десятки чужих голов подспудно полетят.

— Угу. Я уяснил. Бугай поставил на кон собственную жизнь. Красивый жест.

— Все еще сомневаешься, да?

— Разумеется.

— Но на сотрудничество с Бирюзовым согласен?

— Пожалуй...

— Отлично. В таком случае звякни своему хакеру.

Нолан, недолго поразмыслив, обратился к голосовой помощнице:

— Кими, набери мне Кулера.

Следователю Симеону нынче не позавидуешь. Прошло каких-то жалких несколько дней, а благодарность от начальства за прекрасную работу успела смениться на беспрестанные упреки за срывы сроков предоставления различных идиотских отчетов. Симеон искренне недоумевал, зачем нужно печатать столько бесполезной ерунды. Вот, скажем, «Еженедельный отчет о проделанной работе в отношении информирования населения о раскрытии особо тяжких преступлений, осуществляемого в целях повышения доверия граждан к Следственному Комитету Конфедерации, а также в целях профилактики совершения аналогичных преступлений в будущем». И чего в нем писать? Симеон, так уж получилось, не раскрыл ни одного дела за последние семь дней. О чем информировать население? И вообще, разве связями с общественностью не должна заниматься специальная пресс-служба СКК? Или другой экземпляр необъяснимого бюрократического дебилизма — «Ежемесячный план внеплановых выездных проверок следственных изоляторов и изоляторов временного содержания в целях обеспечения прав и законных интересов обвиняемых и подозреваемых, находя-

щихся под стражей». Спору нет, надзор за условиями содержания граждан в СИЗО и в ИВС — занятие необходимое и где-то даже благородное. Но не сотруднику же СКК этим заниматься! Задача следователя — преступления раскрывать! И как в принципе предполагается заранее составлять план внеплановых проверок? С помощью хрустального шара или машины времени? Проверки, блин, на то и внеплановые, ибо проводятся в неподдающихся предвидению экстренных случаях! Тем не менее квинтэссенцией организационного маразма смело можно назвать «Ежеквартальный отчет о сформированных за истекший период отчетах и планах», гордо венчающий выстроенную руководством систему тотального столпоклонства.

Симеону хотелось во весь голос выть воем подстреленного трехрогого бизона. Ладно, отняли расследование убийства Бьорна. Ладно, всучили другое совершенно банальное дело. Ладно, заставили угробить тучу времени на заполнение глупых отчетов. Но сваливать на следователя откровенно чужие обязанности — явный перебор. Буквально вчера шеф Канторийского отделения СКК господин Фитц передал Симеону дело, начатое внезапно слегшим с гриппом следователем Гаушем, а уже сегодня начальник потребовал результатов! Видимо, руководство Комитета сочло метод пряника, недавно примененный в виде поощрения за службу, неэффективным и вооружилось гораздо более надежным кнутом. До вышестоящих чинов доползли слухи, якобы следователь

Симеон, вопреки приказу, не оставил расследование произошедшего в «Ясень Электроник», а продолжает втайне работать над делом. Ну, по правде говоря, так оно и было... Интересно, кто же из коллег настучал на Симеона... Виз-криминалист? Не-а. Яуо, как ни парадоксально, единственный, кто реально не мешал, а, наоборот, содействовал следователю, притом что виз с Симеоном никогда не считались закадычными друзьями. Напарница Кай Лин? Уже теплее. Она, во-первых, знала достаточно, а во-вторых, всячески пыталась уговорить следователя отказаться от бессмысленной затеи по поискам неуловимого лесовика. Эх, Кай Лин, Кай Лин... Как же так? Сдать собственного напарника... С другой стороны, она девушка молодая, ей карьеру надо строить, так почему бы и не выслужиться перед начальством? Понять Кай Лин нетрудно, а простить... С прощением посложнее будет.

За окном стемнело. На календаре разгар лета. Значит, час и впрямь поздний. Симеон, оторвавшись от рабочего компьютера, протер кулаками глаза, зевнул, повертел захрустевшей шеей, потянулся к висевшему на стуле пиджаку, вынул из кармана удостоверение и потом долго всматривался в знакомое лицо на фотографии, перечеркнутой с краю синей полоской печати.

— Стар или не стар — вот в чем вопрос, — вслух изрек следователь. — Порой накатывает желание послать все к хосу, а ксиву выбросить в помойное ведро. Не. Жалко. У меня тут фотка хорошая...

Поработали и хватит. Симеон поднялся, прихватил пиджак и направился к выходу. По опустевшим ночным дорогам следователь сравнительно быстро добрался до дома. Скромненькое жилище на втором этаже многоквартирного здания полностью отвечало невзыскательным запросам своего хозяина. Кровать есть, душ есть, холодильник есть, доска на стене, чтобы маркером записывать умные мысли, есть, место посреди пола, позволяющее удобно расположиться на мягком ковре, есть. Загодя заказавший еду из лимонского ресторана Симеон с удовлетворением обнаружил теплый бумажный пакет в ящике для доставки. По привычке устроившись с ужином прямо на полу перед доской, следователь надел очки дополненной реальности и еще раз пробежался глазами по всплывавшим в воздухе файлам.

— Ну-с, — проговорил следователь. — Начать запись. На часах двадцать пять часов пятнадцать минут. Промаявшись дурью весь день, я наконец-то возвращаюсь к делу Бьорна. Или к делу лесовика? Или к делу «Тогор Энтерпрайз»? Неважно. Суть одна. Мы имеем крупномасштабный промышленный заговор, простирающийся далеко за пределы Конфедерации. Господин Бьорн — лишь верхушка айсберга. К великому сожалению, собранных мною доказательств, вероятно, окажется недостаточно с учетом того, сколь влиятельные лица здесь замешаны. Мне требуются по-настоящему железные улики, добыть которые весьма проблематично. Начальство вяжет по рукам и ногам, напарница, по всей ви-

димости, предала меня, коллеги косо поглядывают... Хм... соус в пакет положили сырнй вместо карри... Короче, все пошло прахом из-за треклятого лесовика! Ну и отлично! Тем больше поводов отыскать паршивца! Благо мне известно его имя — Ныка, бывший спецназовец. Из него вышел бы отличный свидетель. Стоит присмотреться к кругу его знакомых... М-м... присланный из ресторана угорь получился особенно вкусным... Кхм... Я составил список сослуживцев Ныки. Наверняка кто-нибудь из них владеет полезной информацией... О-па! Печенье с предсказанием! Посмотрим, какие там радости мне судьбою уготованы... «Полночь. Кафе-бар „Подвальчик“. Приходите один»... Э-э... странное предсказание... Похоже, скорее, на приглашение. Секундочку! А не от того же ли оно автора, что и записка, подложенная под дверь моего кабинета? Хаос! Возможно, у меня появилась зацепка! Немедленно выезжаю к кафе-бару «Подвальчик»! Приостановить запись...

Симеон вскочил так резко, словно внезапно обнаружил, будто сидит на полыхающем огнем муравейнике, схватил кобур с табельным пистолетом и стремглав вылетел из квартиры. Ловким движением перемахнув через лестничный пролет, сотрудник СКК надавил на размагничивающую замок кнопку, после чего плечом толкнул массивную металлическую дверь и помчался к припаркованному на дворовой стоянке автомобилю. К указанному в послании заведению следователь примчался в течение рекордных семи минут. Зав-

тра гарантированно придет штраф за превышение скорости. Бездушной автоматической системе фиксации нарушений правил дорожного движения безразлично, служишь ты в правоохранительных органах или нет. На нее, в отличие от живых патрульных, предъявленное удостоверение не производит ни малейшего впечатления.

Кафе-бар «Подвальчик» в соответствии с названием занимало цокольный этаж в доме со множеством других точек общественного питания. Спустившись по лестнице, посетители окунались в атмосферу полумрака и классической рок-музыки. Симеон уселся у барной стойки. Ему жутко хотелось выпить, однако, намереваясь сохранять трезвую голову, заказал он не алкогольный коктейль, а стакан воды. Прождав четверть часа, следовательно потихоньку начал сомневаться в удачности затеи. А вдруг записка в печенье — просто шутка либо же нестандартный рекламный трюк, призванный привлечь народ в «Подвальчик»? С чего Симеон взял, что послание имеет отношение к делу Ныки? Интуиция? Да, хаос подери, интуиция! Когда от тебя все отвернулись, а нормальных зацепок нет, только на интуицию и остается полагаться.

— Господин Симеон? — обратился к следователю человек с предельно невыразительным лицом. Симеон, еще обучаясь в полицейской академии, освоил навык определения и запоминания особых примет подозреваемого. Но в случае с этим парнем и запоминать-то было нечего. Совершенно непримечательная физиономия, прямо как искусственно

слеplенная...

— Да, — ответил следователь. — Полагаю, послание в печенье исходило от вас.

— Именно так. Меня зовут Дастин.

— Дастин? Тезка пропавшей суперзвезды?

— Не совсем. Пройдемте лучше со мной в безопасное место. Там я поведаю о себе, о лесовике по имени Ныка, о «Тогор Энтерпрайз» и прочих небезынтересных вам вещах.

Услышав из уст незнакомца ключевые словосочетания «лесовик Ныка» и «Тогор Энтерпрайз», заинтригованный следователь согласился без раздумий.

Бирюзовый объявил общий сбор в обветшалом деревянном сооружении, примыкавшем к заброшенной лодочной станции, затерянной в лесах к югу от Еаюау — Речного Города. Первыми прибыли Нолан, Алира, Эдвин и Кулер. Они все вчетвером вылетели из Люциуса одним рейсом. Журналист твердо настоял на присутствии, помимо него и хакера, двух юных друзей. В компании молодых магов Нолан чувствовал себя гораздо увереннее. Кроме того, предстоящее обсуждение касалось Намус и Совета директоров, обеспечивавших желанный Ордосом порядок. Лишь покончив с кукловодами, оплетшими сетями мир, Команда Чаши получала шанс открыто сразиться с сыном Универсума.

— И к чему такие сложности? — размышлял вслух Эдвин. — Нет, я понимаю, разделяемся с Советом и Намус

— ослабим Ордоса. Но почему бы Земле-Матери, обладающей феноменальными аналитическими способностями, а также огромнейшей базой данных, самой четко нас не направить? Зачем нам присоединяться к... к организованному каким-то мутным типом сопротивлению?

— Единственное, в чем я уверена, пообщавшись с Землей-Матерью, — сообщила Алира, — это в том, что у нее на все найдутся причины, явные или скрытые. В любом случае сейчас мы не силах с ней связаться и спросить. Посему придерживаемся плана господина Нолана.

— А мой план — выслушать план Бирюзового, — добавил журналист. — Согласен, я тот еще стратег... Че-то мы рано приехали. Остальные небось только через час подтянутся.

Пока Нолан в ДР-очках просматривал почту, а Эдвин зачитывался загруженной на одолженный у журналиста планшет научно-популярной книгой профессора Рокинза «Эксцентричный мем, или Всеобщий Порядок как иллюзия», Алира попыталась скоротать время за беседой с Кулером. Тихий компьютерщик по складу ума разительно отличался от того, к кому принято применять расплывчатое (а для кого-то и вовсе обидное) понятие «нормальный человек», и, как следствие, вызывал у девушки непомерное любопытство.

— Вы, стало быть, работаете с компьютерами? — допытывалась у хакера Алира.

— Ага.

— Они... сложные, — с высоты позапрошлого века оце-

нила девушка.

— Наверно.

— И что вы с ними делаете?

— Всякое.

— А вы не из болтливых.

— Ага.

До сих пор Алира считала, будто неплохо разбирается в людях. Но вот «раскусить» непрошибаемого хакера-интроверта у нее не получалось. Она никак не могла взять в толк: или парень нарочно морочит ей голову, или он неуютно ощущает себя в непривычной обстановке, или... или молодой человек стесняется присутствия красивой юной девушки. Признаюсь вам по секрету: на самом деле Кулер ведет себя подобным образом всегда и везде. На то он и Кулер.

Вторым после наших друзей на лодочную станцию заявился Ныка. Лесовик приволок с собой два здоровенных баула. По прикидкам Нолана сумки были набиты боевой экипировкой, оружием и различным навороченными гаджетами. Уточнять журналист у старого товарища до поры счел необязательным.

Далее подъехал Дастин. Бывший поп-идол избавился от маскировки на лице и крайне удивился, когда ни Эдвин, ни Алира его не узнали.

— А вы, случаем, не с Гиганта свалились? — пошутил певец.

— И с него тоже, — не вдаваясь в детали, туманно намека-

нула Алира.

Вскоре к собравшимся присоединился господин Бирюзовый. Он прилетел на личном вертолете, распугав по приземлении местную живность. Зайцы и белки в панике ринулись прочь от громко гудящего и шумно рассекавшего винтом воздух аппарата. Последним же, немного опоздав, приковылял следователь Симеон. Сотрудник СКК с подозрением оглядел присутствовавших, особенно пристально изучив бритоголового бугая и лесовика, за которым так долго охотился.

— Господа, — произнес Бирюзовый, — и... дама. Не стану растягивать вступительную речь. Вам и без нее прекрасно известно, с какой целью я вас созвал. Нашим миром втайне управляет дюжина персон, именуемых Советом директоров. Их организация, существуя минимум полтора столетия, контролирует все значимые экономические, политические, социальные и культурные течения на спутнике. Во зло или во благо, не мне судить. Методы Совета подчас представляются спорными с позиции нравственности, но они эффективны. Да и средний уровень жизни населения за минувшие сто пятьдесят лет заметно вырос. У каждого из нас свои мотивы противостоять Совету директоров. Кого-то сюда привел поиск истины. — Амбал многозначительно посмотрел на журналиста. — Кто-то желает, дабы свершилось правосудие. — Кивок в сторону следователя. — Кто-то мечтает обрести свободу. — Бугай повернулся к Дастину. — Кем-то движет

инстинкт самосохранения. — Пассаж адресовался Ныке. — А я намерен отомстить за старого друга. Вот так. Ничего героического. Око за око. И если ни у кого нет на сей счет возражений, давайте сопоставим имеющиеся у нас данные.

Выступали по очереди. Первым взял слово Нолан. Журналист изложил факты по делу гибели инженера Понти. Затем рассказ продолжил Кулер, упомянув о новом микропроцессоре «Атом», постепенно внедряемом во все электронные приборы и позволяющем устраивать тотальную слежку за гражданами. Ныка поделился опытом участия в ряде скрытных операций в сфере промышленного шпионажа. Симеон дополнил историю лесовика результатами собственного расследования, в частности показав на примере нескольких цифровых документов то, как множество едва осязаемых нитей ведут к корпорации «Тогор Энтерпрайз», по сути, выступающей производственным флагманом Совета директоров.

— Итак, — подвел промежуточный итог господин Бирюзовый. — Надеюсь, вы убедились, насколько влиятелен и могущественен Совет директоров. Устойчивое экономическое и политическое доминирование они решили развить благодаря процессору «Атом». Лет через десять-пятнадцать личное пространство или личная жизнь окончательно превратятся в фикцию. Международные корпорации во главе с «Тогор» через электронные гаджеты смогут контролировать не только поведение, но и мысли потребителей. Народ, на-

пичканный отпускаемыми по рецепту психотропными препаратами, будет покорно покупать навязываемые ему товары, смотреть отупляющие телепередачи, глупо смеяться над дурацкими роликами в Комсети и внимать пустой болтовне видеоблогеров-бездельников, ходить толпой в кино на типовые блокбастеры, читать одобряемый большинством ширпотреба. Нынешнюю систему образования сменит программа подготовки узко направленных специалистов, не обладающих общими знаниями и не умеющих мыслить вне заложенных с юности рамок. Начисто лишенное воображения население разучится думать самостоятельно и со временем деградирует до уровня послушных рабов, единственное назначение коих — обеспечивать работу гигантской финансово-кредитной машины, когда на взятые в долг деньги потребителями оплачиваются совершенно ненужные товары и услуги. Самое смешное, что, возможно, такое общество покажется более счастливым. От лишних мыслей ведь много печали... А то и до могилы они порой доводят. Судьба моего друга служит тому яркой иллюстрацией... Ладно. Отставим теорию и прогнозы. Обсудим теперь, каким образом подорвать деятельность Совета в кратчайшие сроки и приложив минимальные усилия. Согласен, звучит не вполне реалистично, однако бывает достаточным убрать одну опору, чтобы ненадежная конструкция обрушилась целиком. И я обнаружил подобную опору. Совет директоров чересчур полагается на консультанта по имени Намус. Они и шагу не

ступят без одобрения сего загадочного субъекта. Забавно: по идее, Намус должен или, как я понимаю, *должна* работать на Совет, а фактически на сегодняшний день Совет находится в подчинении у Намус. Нам стоит нанести удар именно по консультанту. Она — ключ к падению выстроенной Советом директоров системы. Мы обязаны установить личность Намус.

— Я уже установил, — словно извещая учителя о выполнении несложного домашнего задания, скромно молвил Кулер. Сиюминутно семь пар расширившихся от изумления глаз уставились на хакера. Компьютерщик слегка поежился под давлением резко возросшего внимания аудитории.

— А с нами поделишься? — после явно затянувшейся паузы поинтересовался у друга Нолан.

— Ага.

— И кто же такая эта Намус, а, господин Кулер? — набравшись терпения, спросил Бирюзовый.

— Не кто, а что. Она не человек. И не виз. И не лесовик. И не марси. И не древний стихийный дух. Намус — машина, суперкомпьютер, продвинутый искусственный интеллект...

— Еще один?! — воскликнул Эдвин, а почувствовав упершийся ему под ребро локоть Алиры, спешно перефразировал: — В смысле... э-э... один-единственный... то бишь неповторимый... всеведущий суперкомпьютер?..

— Ага.

— А как ты узнал? — обратился за подробностями жур-

налист.

— Вычислил.

— А точнее?

— Проанализировал.

— И?..

— Я, короч, расшифровал записи с флешки Коричневого парня. Там оказалась куча всякой всячины: фрагменты документов, обрывки аудиофайлов, какие-то сметы, чертежи. И че-то вроде они никак друг с другом не связаны, а на самом деле очень даже связаны. Везде прослеживается участие Намус. Где-то она дает консультации, где-то утверждает предоставляемые ей на рассмотрение планы, где-то действует через третьих лиц, а где-то — самостоятельно. Скорость обрабатываемых ею огромных массивов данных невозможна для человека. То есть либо под рукой у Намус мощный суперкомпьютер, либо она сама — мощный суперкомпьютер. Я стал копать глубже и наткнулся на скан очень старой бумажки, датированной 285 годом.

— Завещание Господина Д, — догадался Бирюзовый.

— Ага. Этот чел передал Синдикату — тогдашнему образу Совета директоров — штуку под названием «аналитическая машина». Вы слышали об аналитических машинах?

— Я читала о них, — припомнила Алира. — В моем любимом журнале «Чудеса техники» однажды написали статью, посвященную возможным вариантам развития уже су-

ществующих разностных машин.

— Развития разностных машин? — решив, что неверно расслышал, переспросил Симеон. — За какой год был тот выпуск журнала? 250?

— 259, — ни капли ни смутившись, поправила девушка из прошлого. — Я... м-м... изучала архивы. Интересно, знаете ли, историей техники... Так вот, в числе прочих предсказаний в заметке говорилось о теории усложнения разностных машин, предназначенных изначально исключительно для счета, путем наделения их различными дополнительными функциями. В идеале инженеры мечтали создать нечто похожее на механический компьютер. Разумеется, в мое вре... хм... в те времена слово «компьютер» еще не вошло в обиход, однако многие ученые-визионеры в общих чертах уже предвидели появление подобных приборов, именуемых в ту эпоху аналитическими машинами. Тем не менее большинство разработок оставались на бумаге. Чаще всего изобретателям банально не хватало финансирования — слишком уж дорогими оказывались проекты. А без денег долго корпеть над сложнейшим устройством, отложив иные занятия, не получится.

— И все-таки кто-то аналитическую машину в итоге построил, — заметил Эдвин.

— Кладский математик Стерлинг, — подсказал Кулер. — Ну... я типа очень глубоко копнул. На сайте Патентного бюро Кладской Республики имеется соответствующая отмет-

ка: патент номер такой-то, выдан господину Стерлингу тако-го-то числа, кажется, 260 года Эры Порядка. Далее идет запутанное техническое описание хитроумного аппарата, работающего на перфокартах. Ушлый математик, кстати, заодно зарегистрировал товарный знак «аналитическая машина», чтоб в случае чего вдобавок и за коммерческое использование названия бабла срубить.

— Но ведь не Стерлинг придумал понятие «аналитическая машина»! — возмутилась Алира. — Оно и раньше существовало в научных кругах.

— Кто первый сел, тот и съел, — пожав плечами, констатировал Нолан и обратился к хакеру. — И какое же отношение имеет аналитическая машина к Намус? Неужели ты намекаешь, будто нашим миром правит древний — по меркам технического прогресса — агрегат на перфокартах?

— Нет, конечно, — ответил Кулер. — Аналитическая машина обеспечила Синдикат лишь краткосрочным превосходством в экономической деятельности. Сколотив внушительное состояние, и без того не бедствовавшие члены Синдиката вложили немало средств в прикладные научные исследования. Технологии продолжали совершенствоваться. Сначала появились ЭВМ на лампах. Потом лампы уступили место транзисторам. А вскоре и до более или менее современных микропроцессоров дошло. Позднее приступили к опытам в сфере разработки ИИ. Среди файлов Коричневого мне попался проект, составленный в 355 году и преду-

смаатривающий создание продвинутого искусственного интеллекта, способного самостоятельно анализировать едва ли не бесконечные потоки данных. Озаглавлен документ был как «Новая аналитическая машина универсального свойства». Смекаете?

— Новая. Аналитическая. Машина. Универсального. Свойства, — задумчиво повторил, выделяя каждое слово, Эдвин.

— Сокращенно — НАМУС! — подхватила Алира. — Это не имя, а аббревиатура!

— Или удивительное совпадение, — предположил Нолан.

— Не верю я в такие совпадения, — поделился опытом следователь Симеон.

— Я тоже, — поддержал господин Бирюзовый. — Значит, Намус — машина. А любую машину можно отключить. Отключим Намус, и Совет директоров лишится своего главного козыря. Что ж, задача вполне ясна. Нужно определить место расположения центрального процессора и наведаться туда.

— Так я уж давно определил, — в типичной отстраненно-пофигистской манере уведомил хакер.

— Вы поистине полны сюрпризов, господин Кулер! — отреагировал амбал. — И как же вам сие удалось?

— Вычислил. Проанализировал...

— Пожалуйста, ближе к сути, — попросил Бирюзовый.

— Столь мощный комп, — пояснил Кулер, — требует: а) огромного пространства, так как это вам не ноут, помещаю-

щийся в сумке; б) бесперебойного источника колоссального количества энергии — обычная розетка стопудово не прокапает; и в) просто лютой системы охлаждения. Порывшись в документах и сопоставив даты, наименования подрядчиков, а также некоторые другие признаки, я установил место вероятной дислокации Намус — юго-запад Клада на реке Стремительная.

— Там находится Кладская гидроэлектростанция, — выудил из закровов памяти уроки школьной географии Симеон.

— Ну правильно! — воскликнул Нолан. — Широкий простор, уйма энергии и тонны воды для охлаждения. Да и построили Кладскую ГЭС как раз примерно годах в пятидесятых-шестидесятых. Ого! Выходит, Совет директоров соорудил ее специально под размещение Намус. Ребята явно не поскупились...

— Очевидно, нам предстоит проникнуть на территорию гидроэлектростанции, — заключил Бирюзовый. — Понадобятся подробные схемы и чертежи комплекса. В придачу ГЭС наверняка отлично охраняется. Лобовая атака ничем хорошим не закончится.

— Незаметное проникновение — мой конек, — вызвался Ныка.

— Одному вам не справиться, — возразил бугай. — Дабы отключить машину, необходима помощь специалиста.

— А тупо взорвать нельзя? — поинтересовался лесовик.

— К сожалению, мы понятия не имеем, куда конкретно закладывать взрывчатку. Зато господин Кулер в состоянии разобраться с компьютерной техникой.

— А в вентилях он пролезет? — засомневался Ныка, окинув взглядом крупного хакера.

— Мы сумеем провести Кулера незаметно, — сказал Эдвин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.